172

В. М. Жирмунский

Введение в изучение „Манаса"

172
123 ms.

172
123 сф

В. М. Жирмунский

Введение в изучение „Ионаса"

В.М.ЖИРМУНСКИЙ.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ "МАНАСА".

1.

В богатейшей сокровищнице эпического творчества, которой по праву гордятся народы нашего Союза, киргизская эпопея "Манас" занимает выдающееся место. По своим грандиозным масштабам киргизский эпос превосходит все известные нам памятники эпического творчества: в наиболее полной версии сказителя Сагимбая Орозбакова "Манас" насчитывает около 250000 стихов, т.е. в 4 раза больше, чем "Шах-наме" Фирдоуси и в 40 раз больше, чем "Илиада" Гомера; не меньше по об"ему продолжения "Манаса", образующие вторую и третью часть эпической трилогии, поэмы "Семетей" и "Сейтек", посвященные сыну и внуку Манаса и записанные полностью от другого крупнейшего киргизского сказителя нашего времени, Саякбая Каралаева.

Для народа безграмотного, каким до Великой Октябрьской революции в огромной своей массе были киргизы, героический эпос является единственной памятью многовековой истории народа, сокровищницей его героических воспоминаний, его мудрости, верований и чаяний, художественным отражением его быта и нравов. Академик В.В.Радлов видит в "Манасе" "поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа".[1] Казахский эт-

---

1/ В.В.Радлов "Образцы народной литературы северных тюркских племен", ч.У /Изд.1885/, предисловие, стр.XII.

нограф Валиханов, оставивший нам первую запись "Манаса" /1856/, называет киргизскую эпопею "степной Илиадой". "Манас", пишет Валиханов, "есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица - богатыря Манаса". "Образ жизни, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее."1/

Этим об"ясняется то исключительное место, которое "Манас", как своего рода классическое наследие национального прошлого, занимает в культурном обиходе киргизского народа, подобно поэмам Гомера у древних греков или "Калевале" и сербскому эпосу в новое время. "Можно сказать с уверенностью, что нет ни одного киргиза, который не слышал бы о "Манасе", или не знал бы хоть несколько стихов из "Великого Похода" или из "Поминок Кокетея" или из "Семетея", - так свидетельствует казахский писатель Мухтар Ауэзов, один из наиболее авторитетных современных исследователей и знатоков "Манаса".2/

Как всякое произведение устного народного творчества, героический эпос создается и хранится в живом народном предании благодаря искусству народных сказителей, его творцов и исполнителей. Поэтому для понимания

1/ Соч. Ч.Ч.Валиханова /Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т.XX1X,Пбг. 1904/, стр.71-72.

2/ Мухтар Ауэзов "Киргизский эпос Манас" /Юбилейный сборник КирФАН, печатается/.

"Манаса", как произведения народного поэтического искусства, огромное значение имеет изучение сказителей эпоса.

Сказители "Манаса" носят название "манасчи". Они являются в большинстве случаев певцами профессиональными, однако нередко соединяют исполнение "Манаса" и других эпических песен с более широким репертуаром лирической или народно-обрядовой поэзии.

В противоположность обычному у большинства других, в том числе и у тюркоязычных народов исполнению эпоса, киргизские сказители поют "Манас" без сопровождения каким либо музыкальным инструментом; руки певца во время исполнения эпической песни остаются свободными, сопровождая ее содержание своеобразной, нередко чрезвычайно изобразительной мимикой.

Текст "Манаса" - целиком стихотворный, в отличие от распространенной в эпосе других среднеазиатских народов смешанной формы, чередующей прозу со стихом. Размер - короткий силлабический стих, 7-ми или 8-ми сложный, с метрическим ударением на последнем слоге: это, повидимому, древнейшая форма тюркского эпического стиха.[1] Господствует конечная рифма, об"единяющая не сколько стихов подряд в тирады различной длинны. Нередка, но не регулярно, встречаются строфы /в четыре или в три стиха/. В отдельных сти-

---

1/ См. Ф. Кори "Древнейший стих турецких народов" /ЗВО РАО, т. XX, ч. II-III, стр. 139-167 и отдельно, Пбг. 1909/; Tadeusz Kowalski „Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich" Краков, 1922 /русское изложение см. А. Линин "К вопросам формального изучения поэзии турецких народов", в Известиях Восточного факультета Азербайджанского Гос. Университета, т. I, БАку 1926, стр. 139-202/. См. также П. Фалев "Как строится каракиргизская былина" /"Наука и Просвещение", № 1, Ташкент 1922, стр. 21-23/.

хах конечная рифма может отсутствовать, но зато рядом с ней нередко встречается рифма срединная и в особенности начальная, обычно - в форме аллитерации начальных звуков нескольких соседних стихов. Вместе с обильными повторениями и многочисленными случаями синтаксического параллелизма стихов эти разнообразные звуковые повторы сообщают киргизскому эпосу большую звучность и музыкальность.

Способ рифмовки в "Манасе", по сравнению с эпическими песнями других среднеазиатских народов, обнаруживает несомненно весьма архаический характер. В казахском и узбекском эпосе однорифменная тирада также имеет широкое распространение и является, повидимому, по сравнению со строфой, более древней композиционной формой, однако конечная рифма уже сделалась обязательной, начальная аллитерация встречается гораздо реже и является как бы случайным украшением. Киргизский эпос ближе к предполагаемой исходной форме рифмы в тюркских языках. Рифма возникла из ритмико-синтаксического параллелизма соседних стихов, при котором, благодаря созвучности в этих языках грамматически тождественных окончаний /в конце стиха чаще всего - глагольных/, рифмовое созвучие непроизвольно возникает как в конце стиха, так и в начале и в середине. В "Манасе" конечная рифма еще не канонизирована, начальная с ней конкурирует.

Эти признаки архаической формы, как мы увидим дальше, соответствуют древности происхождения киргизского

эпоса и многочисленным признакам архаизма в его содержании.

Среди сказителей "Манаса" различают две категории, в основном, как указывает Мухтар Ауэзов, соответствующие делению гомеровских певцов на аэдов и рапсодов. Первые, т.н. жомокчу /от слова жомок - "былина", "сказка"/, подобно аэдам, являются творческими певцами - импровизаторами; вторые, т.н. ырчы, т.е. простые певцы /от слова ыр-"песня"/ исполняют отрывки эпопеи, заученные наизусть.

Репертуар сказителя низшей категории, простого ырчы, ограничен выученными им отрывками и может быть исчерпан в 7-10 исполнительских вечеров. Такие певцы, подобно греческим рапсодам, являются популяризаторами эпоса. В настоящее время - это, за малыми исключениями, преобладающий тип певца. Настоящий жомокчу, сказитель высшего класса, может исполнять "Манаса", не повторяясь, в течение нескольких месяцев, иногда - пол года, развертывая или сжимая свое повествование по желанию слушателей, в ряде случаев приспособляя содержание песни ко вкусу и требованиям аудитории. При этом развертывание, обогащение стилистическими подробностями всегда считалось важнейшим признаком высокой поэтической квалификации певца. В самом "Манасе" упоминается легендарный певец Джайсан, который одно украшение юрты воспевал пол дня. С этой любовью сказителей и их аудитории к эпической амплификации связаны в значительной степени и масштабы "Манаса".

Певцы-импровизаторы являются не просто исполнителями, но творцами своего варианта "Манаса", конечно - в

рамках общей традиции его сюжета и образов. Как отметил уже Радлов, текст киргизской эпопеи является чрезвычайно текучим. Повторные записи, сделанные у одного и того же певца, обнаруживают весьма значительные различия- как бы разные переложения одинакового или сходного содержания. При обучении своему искусству такой певец заучивает не связный текст, а как бы сценарий, известную последовательность эпизодов и ситуаций, а также традиционные "общие места", эпические клише /вроде богатырской скачки, описания битвы, похвалы оружию, коню и т.п./;в остальном он создает исполняемый им текст в процессе пения, варьируя его в соответствии с характером аудитории, иногда вводя в него те или иные новые подробности или даже эпизоды.[1/]

Конечно, подобное новотворчество, носящее характер импровизации, возможно лишь в рамках определенной,прочно сложившейся традиции - сюжетов, мотивов и образов, постоянных стилистических формул, эпитетов, сравнений, фразеологических оборотов, и т.п., которыми поэт-импровизатор пользуется как своего рода готовым поэтическим языком Тем не менее оно допускает довольно далеко идущие новшества даже сюжетного характера. Так Радлов сообщает, что сказитель, которого он слушал, из внимания к нему, как русскому, ввел в свою песню новый эпизод о встрече Манаса с Белым царем: Манас, покоривший все народы мира,добровольно подчинился русскому царю[2/]. Точно также

1/ См.В.Радлов, "Образцы", гл.У, предисловие,стр.ХУ-ХУП.
2/ Радлов, там-же, стр.ХШ /см.в тексте "Манаса",гл.Ш, стихи 374 сл., 1760 сл./.

крупнейший сказитель недавнего времени Орозбаков ввел, как мы увидим, в свою версию ряд несомненных сюжетных новшеств /походы Манаса на Запад и на Север/, а лучший современный манасчи - Караласв, сложил, повидимому самостоятельно, новый цикл песен, героями которых являются богатыри Алмамарик и Кулансарик, последние потомки Манаса, внуки Сейтека. Караласв следовал при этом, конечно, - бессознательно, тому же принципу генеалогической циклизации, который, в ответ на живой интерес слушателей к любимому народному герою, подсказал когда то сказителям старого времени создание песен о Семетее и Сейтеке, сыне и внуке Манаса, его наследниках и продолжателях его дела.

Элемент импровизации и новотворчества наличествует всюду, где эпос еще живое явление народной жизни. Аналогичные явления мы наблюдаем, например, у тех узбекских бахши, которых народ за наличие подобных творческих способностей выделяет почетным названием "шаир". Повторные записи "Алпамыша" в исполнении лучшего из современных узбекских сказителей Фазыла Юлдашева, обнаружили такую же текучесть текста и наличность новых творческих вариантов. Именно эта способность к импровизации и новотворчеству сделала в наши дни многих старых сказителей и народных певцов, подобно прославленному казахскому акыну Джамбулу, создателями нового народного эпоса на героические и революционные темы нашей современности.

При исполнении песни сказитель-импровизатор должен находиться в состоянии известного творческого возбужде-

ния, которое дает ему общение с аудиторией. Отсюда - необходимость записывать текст эпического произведения во время подобного творческого сеанса. Лабораторные записи под диктовку сказителя, которые нередко производились и по отношению к "Манасу", обычно превращают текст в простое переложение содержания, лишенное стилистических особенностей, характерных для творческого исполнения - вариаций, повторений, богатой звуковой инструментовки и т.д. Анализ стиля сказителя во всяком случае должен производиться лишь на основе записей, отражающих подлинно творческое исполнение эпической песни.

Творческое вдохновение сказителя киргизские манасчи по старинному верованию, распространенному у многих народов, об"ясняют "наитием" свыше. Всякий манасчи-импровизатор рассказывал о себе, что его призвал к пению сам Манас, явившийся ему в сновидении в сопровождении своих 40 дружинников, реже - кто нибудь из сподвижников Манаса, например Алмамбет, или сын Манаса - Семетей. Варианты этого сказания очень многочисленны. При этом, если избранник Манаса, будущий певец, отказывался выполнить его приказ, Манас грозил ему болезнями и бедами, которые преследовали ослушника, если он не становился сказителем.

Сходные сказания о чудесном призвании сказителя известны у большинства тюркских и монгольских народов. Узбекского бахши, в большинстве случаев пастуха, заснувшего где нибудь на открытом воздухе, под деревом, около стада,

во сне посещает незнакомец /чаще всего - какой нибудь мусульманский святой/, который вручает ему домбру и велит петь, говоря: - "Ты будешь бахши!" В казахских легендах этого рода будущему певцу во сне является дух какого нибудь знаменитого акына старого времени, из того же рода или местности, который вручает ему домбру и вместе с нею песенный дар. Известны подобные рассказы и в средневековой литературе Запада. Один из древнейших - англосаксонская легенда о Кэдмоне /УП в./, герой которой, также простой пастух, не умевший петь, получил дар песен в подобном же вещем сне, призванный божественным голосом прославить чудеса творения.

Как показал акад. А.Н.Веселовский в своей "Исторической поэтике", в первобытном обществе народная поэзия теснейшим образом была связана с магическим обрядом, которым родовой коллектив стремился обеспечить себе успех в войне и охоте или в коллективных трудовых процессах. Отсюда - вера в магическую, волшебную силу песни, которая пережиточно сохранилась в народных сказаниях, песнях и сказках. Отсюда же обычное на ранних стадиях общественного развития совмещение профессии певца и колдуна-шамана, предшествующее окончательному выделению поэзии из обрядовой связи.[1/] Таким волшебным певцом-шаманом является, например, герой карело-финского эпоса "Калевала" Вейнемейнен, или в средневековом эпосе тюрков-огузов дед Коркуд. Эпический певец /узан/ и одновременно мудрый патриарх племени, нас-

---

1/ См.А.Н.Веселовский "Историческая поэтика", ред.и вступ. статья В.М.Жирмунского /Лгрд 1940/, стр.332-343.

тавник своего народа, кудесник-шаман. Двойственное значение слова бахши /бакшы/ у народов Средней Азии подтверждает эту исконную связь. У узбеков слово "бахши" может означать и сказителя эпоса и лекаря шамана, и в прошлом эти профессии нередко совмещались; у туркмен "бахши" - только народный певец, у киргизов и казахов "бакшы" /"баксы"/ - только лекарь-шаман. Киргизские манасчи в прежние времена также выступали в этой роли: их призывали петь "Манаса" при болезнях людей и скота, для облегчения родов и т.п. О знаменитом манасчи первой половины XIX в. Кельдибеке существует легенда, в которой отчетливо выступает древнее представление о магической силе песни. "Говорят, что когда пел Кельдибек, дрожала юрта, в которой он сидел, силой своего пения он потрясал стихии, и на аул как будто неожиданно налетал ураган, и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники" /Манас и его дружинники/, "и от топота их коней дрожала земля" /М.Ауэзов/.

С этим кругом идей связана по своему происхождению и легенда о призвании сказителя, основанная на представлении о вдохновении певца, как о чудесном пророческом даре, порожденном "внушением" свыше. Легенда эта восходит в конечном счете к идее "наития" как обязательного условия посвящения шамана и во всех деталях совпадает с представлениями о "призвании" шамана, исследованными в этнографической литературе на обширном материале шаманистских обрядов и верований народов Сибири и Средней Азии -

в частности у тюрко-язычных народов [1].

На самом деле овладение искусством эпического певца было связано, как всюду, с обучением у старших сказителей. К сожалению, о характере и приемах этого обучения у киргизских манасчи до сих пор известно очень мало. Изучение записанных вариантов "Манаса" позволяет говорить о двух основных "школах" сказителей, Нарынской /Орозбаков/ и Каракольской /Караласв/, между которыми наблюдаются довольно значительные расхождения в деталях некоторых сюжетов. Однако, как сложились эти школы и чем определялась в них преемственность искусства сказителей, до сих пор остается совершенно неясным. Предание сравнительно недавнего времени знает имена нескольких выдающихся манасчи XIX и начала XX века: Келдибек, Балык, Тыныбек, Чоркс /учитель Караласва/ и немногие других. Из их биографии записаны некоторые факты, частью бытовые, частью легендарные [2]. Но сколько нибудь ясной картины творчества крупнейших киргизских манасчи в период до Октябрьской революции, за отсутствием письменных источников, мы пока еще не имеем.

Начало научному изучению "Манаса" в дореволюционное время положено было трудами Ч.Ч.Валиханова и акад.В.В.

1/ См.в особенности Л.Я.Штернберг "Избранничество в религии" /"Этнография", 1927, № 1/. - Н.П.Дыренкова "Получение шаманского дара по воззрениям тюркских племен" /Сборн. Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР,т.IX, 1930 г.стр.267-291/. - И.Н.Винников "Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии" /Сборн.С.Ф.Ольденбургу, 1934, стр.125-146/.

2/ См.в особенности К.Рахматуллин "Манасчилар" /На киргизском языке/, Фрунзе, 1942.

Радлова. Выдающийся казахский этнограф Валиханов, внук последнего хана казахской орды и офицер русской службы, опубликовал в "Очерках Джунгарии" /1861/ лишь краткое содержание киргизской эпопеи, с которой он имел возможность познакомиться во время своего пребывания среди киргизов в районе озера Иссык-Куль /1856/; незаконченный перевод отрывка из "Поминок Кокетея", сделанный им тогда же, был опубликован значительно позже в посмертном издании сочинений Валиханова 1904/.[1] Тексты Радлова записаны во время его путешествий по Сибири и Средней Азии, в 1862 и 1869 гг. и охватывают всю эпическую трилогию /всего 12454 стиха, из них 3005 - "Семетей" и "Сейтек"/. Радлов записал также связанные с циклом "Манаса" сказочные эпические поэмы "Джолойхан" /5322 ст./ и "Эр-Тештюк" /2146 ст./. Тексты снабжены немецким переводом и содержательной вводной статьей, заключающей ценные сведения об искусстве сказителей и интересные общие соображения об эпическом творчестве.[2] Однако, варианты, записанные Радловым, имеют неполный и довольно случайный характер, поскольку главное внимание самого исследователя было обращено на язык.

Небольшой отрывок из "Манаса" /"Прощание Манаса с сыном"/ был напечатан с немецким переводом в венгерском востоковедческом журнале "Keleti Szemle".[3]

1/ Сочин. Ч.Ч.Валиханова /1904/, стр.71-74 и 208-222.

2/ В.В.Радлов "Образцы народной ~~словесности~~ литературы северных тюркских племен", ч.V. Наречие дикокаменных киргизов" /Спб.1885/, стр.1-589. Немецкий перевод: W. Radloff. „Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme. V Teil (Petersburg 1885) pp. 1-593.

3/ G. Almasy „Der Abschied des Helden Manas von seinem Sohne" („Keleti Szemle", m. XII, 1911)

Этим ограничиваются тексты "Манаса", известные в научной литературе дореволюционного времени.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи в изучении национального, в частности, и киргизского фольклора. Всеобщий культурный под"ем многочисленных народов нашего Союза, ставших равноправными участниками строительства новой советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, впервые создал предпосылки для широчайшего изучения памятников национального прошлого, в том числе и произведений народного творчества, научными силами самих национальных республик, при активной помощи центральных научных учреждений Союза. За годы революции героический эпос народов СССР, столь созвучный нашему героическому времени, сделался предметом широчайшего общественного интереса. Об этом свидетельствуют всенародные культурные празднества, посвященные памятным датам "Слово о Полку Игореве", "Витязя в тигровой шкуре", "Давида Сасунского", "Джангариады", и многочисленные художественные переводы этих и других замечательных памятников народного эпического творчества.

В этих исключительно благоприятных условиях собирание и изучение киргизской эпопеи "Манас" сделало огромные успехи. В это важное культурное дело включились самые широкие круги киргизской общественности, а также многие выдающиеся русские ученые, писатели и переводчики. Масштабы

собранного за истекшее тридцатилетие советской власти во много десятков раз превосходят то относительно немногое, что было известно узкому кругу специалистов-ученых до революции. В сущности мы имеем право говорить о "Манасе" как о подлинном открытии советской эпохи.

"Манас" записан в настоящее время в двух полных вариантах, хранящихся в фольклорном архиве Киргизского филиала Академии Наук СССР - от старого манасчи Сагынбая Орозбакова /1867-1930/ и от нашего современника Саякбая Каралаева /р.1894 г./. Кроме того отдельные эпизоды эпопеи записаны от ряда других манасчи /Тоголок Молдо, и др., всего около отрывков/.

Сагынбай Орозбаков, "великий акын", происходил из Нарынской области КирССР, из рода Саяк, колена Маинок, но родился на берегу Иссык-Куля. Отец его был талантливым музыкантом /кернейчи/ и находился на службе манапа Урмана из рода Сарыбагыш. В отличие от большинства других киргизских сказителей, Сагынбай был грамотен и получил начатки мусульманского образования. В юные годы он пользовался известностью как исполнитель народных лирических песен, в особенности - обрядовых плачей /"кошок"/. Он слышал "Манаса" в исполнении многих известных сказителей старого времени - Балыка, Тынчбека, Наметбая, Арстанбека и др., но кто был его непосредственным учителем, в точности неизвестно. К началу революции Сагынбай был

уже пожилым человеком и прославленным сказителем. Запись версии Сагынбая производилась с 1922 по 1926 г. муталимом /народным учителем/ Ибрагимом Абдрахмановым, тоже знатоком и исполнителем "Манаса", по заданию Туркестанской научной комиссии, позднее Наркомпроса Киргизии.

Орозбаков, знавший "Манаса" в исполнении различных знаменитых в свое время певцов, сознательно стремился расширить и пополнить свой репертуар, так, чтобы дать возможно более богатую, широкую и последовательную версию киргизкрй национальной эпопеи. Он живо интересовался историей киргизского народа, и сведения, полученные им в этой области от его более образованных друзей, служили материалом, пополнявшим его представления о древних временах Манаса. Не исключается, что историческая география его версии /река Орхон, Алтай и др./ отчасти предсказана этой информацией. Он был человеком религиозным, и это обстоятельство наложило известный отпечаток на его вариант, в частности - на его концепцию "походов" Манаса - как "священной войны" против "неверных". К сожалению, среди работников киргизских научных учреждений, консультировавших "великого акына", имелись еще неразоблаченные в то время буржуазные националисты. Их влияние сказалось на новотворчестве Орозбакова, который ввел в свою версию новые, нетрадиционные эпизоды походов Манаса на Север и на Запад, против "ариев" /т.е. европейских народов/, фантастическое единоборство Манаса с Ильей Муромцем и т.п. По счастью, эти чужеродные наслоения версии Орозбакова легко выделя-

ются, и они не включены в настоящее издание.

Тяжелая болезнь, сказавшаяся на качестве последних записей /окончание "Великого похода"/, прервала работу Орозбакова над первой частью эпической трилогии; вторая и третья /"Семетей" и Сейтек"/ в его исполнении оказались незаписанными. Однако и в том виде, в каком был записан "Манас" Орозбакова, его вариант, насчитывающий около 250000 стихов, по справедливости считается самой полной и художественно совершенной, классической версией первой части эпопеи в традиции исполнителей начала XX века.

Саякбай Караласв - наиболее талантливый представитель нового поколения киргизских сказителей, воспитанного советской эпохой. Караласв родился в Иссык-Кульской области, в местности Джети-Огуз, недалеко от г.Пржевальска /с.Каракол/, и происходит из киргизского рода Бугу. Выходец из бедняцкой семьи, он принимал участие в восстании 1916 г., позднее вступил добровольцем в Красную Гвардию и Красную Армию, до 1922 г. сражался в ее рядах с белогвардейцами в Средней Азии на северном и бухарском фронтах, в годы мирного строительства работал в сельсоветах и был колхозным активистом. Пению "Манаса" Караласв научился у своего земляка Чокке, сказителя каракольской школы. В настоящее время Караласв имеет почетное звание народного певца Киргизии, является членом партии и орденоносцем. От него записан полный вариант "Манаса", лучшие и наиболее сдержательные версии "Семетея" и "Сейтека", а также связанная с циклом "Манаса" сказочная

поэма "Тёштөк".[1]

Между "Манасом" Орозбакова и Караласва имеются довольно значительные сюжетные расхождения, которые будут частично отмечены в дальнейшем. Из них наиболее касаются прихода Алмамбета, сватовства Манаса и окончания похода на Бейджин. "Поминки Кокетея" в версии Караласва отсутствуют и вводятся им в "Семетее", как одна из многочисленных реминесценций, связывающих эту поэму с "Манасом". Некоторые из указанных расхождений восходят, повидимому, к различию в традиции двух эпических школ - наринской /Орозбаков/ и каракольской /Караласв/.

Из новых записей "Манаса" и "Семетея" до сих пор опубликовано лишь небольшое число эпизодов - в выпусках популярной "Библиотеки Манаса" /Фрунзе 1940-42 гг./. К юбилею "Манаса" подготовляется полное многотомное народное издание "Манаса" и "Семетея" и первый том академического издания "Манаса" в версии Орозбакова.

Из новейшей критической литературы о "Манасе" следует в особенности отметить монографические исследования казахского писателя и фольклориста Мухтара Ауэзова, содержащее богатый материал о бытовании "Манаса" и его исполнителях, о сюжетном составе эпопеи и о ее поэтике /печатается/. Ряд работ о "Манасе" принадлежит безвременно скончавшемуся сотруднику Киргизского филиала Академии Наук СССР Халиму Рахматуллину, в частности - весьма ценные биографии сказителей киргизского эпоса. Идейное и поэти-

---

1/ Саякбай Караласв "Тоштөк" /на киргизском языке/, Фрунзе 1938.

ческое значение эпопеи раскрыли работы киргизских писателей Алы Токомбаева и У.Джакишева. Исторические корни эпической легенды исследовал историк Киргизии проф. А.Н. Бернштам, новейшие исторические наслоения в составе эпоса изучала А.Валитова, древнейшие мифологические корни образа и имени Манаса - русский литературовед проф. П.Н.Берков. Ряд молодых киргизских ученых, Байджиев, Бектенов и др., работают над специальными исследованиями отдельных самостоятельных разделов эпопеи. К юбилею "Манаса" Киргизский филиал подготовляет сборник с рядом статей, посвященных вопросам изучения "Манаса".

Подобно другим великим эпическим циклам, созданным народами нашего Союза, киргизская эпопея "Манас" вызывает в настоящее время живой интерес далеко за пределами самой Киргизии и становится общим культурным достоянием всего советского народа. Уже А.М.Горький на 1 с"езде советских писателей в 1934 г., в разговоре с киргизским писателем Алы Токомбаевым, указал на необходимость перевода этого замечательного памятника киргизского народного творчества на русский язык. За последние годы появилось несколько хороших русских переводов из "Манаса", которые способствовали более широкой популяризации этого произведения среди советских читателей. В числе этих переводов следует отметить "Рассказ Алмамбета" /по версии Караласа/ в переводе Л.М.Леньковского /1939/, главы из "Великого похода" /по варианту Оробакова/ в переводе С.Липкина и М. Тарловского /1941/ и первый том полного перевода "Великого

похода", выполненного теми же тремя переводчиками, со вступительной статьей У.Джакишева и Е.Мозолькова, вышедший в прекрасно оформленном издании, с рисунками художника Г.Петрова /ГИХЛ 1946/. В печати находится второй том "Великого похода" в переводе С.Липкина. Подготовляется перевод "Поминок Кокетея", особенно интересных своими яркими бытовыми эпизодами. Тем самым будет положено начало широкого и всестороннего знакомства советского читателя с киргизским эпосом.

2.

Основная композиционная особенность киргизской эпопеи по сравнению с национальными эпическими циклами большинства других народов, заключается в последовательном проведении принципа биографической циклизации эпических сказаний вокруг центральной фигуры эпического монарха, являющегося в то же время первым богатырем своего народа, воплощением его героического самосознания.

В старофранцузском эпосе о Карле Великом и его паладинах, в русских былинах киевского цикла, в калмыцкой "Джангариаде", в средневековом эпосе тюрков-огузов "Китаби Коркут" и др. эпический монарх /Карл Великий, Владимир Красное Солнышко, Джангар, Баяндур-хан и др./ также служит идеальным центром, вокруг которого об"единяются богатыри, его дружинники или вассалы; но каждый из богатырей, входящих в состав этого об"единения, является героем самостоятельных эпических сказаний. Отдельные

эпические песни-былины, посвященные той или иной "богатырской поездке", имеют вполне законченный эпизодический сюжет /Илья Муромец и Соловей Разбойник, Илья и Идолище поганое, Добрыня и Змей, Алеша и Тугарин и т.п./. Лишь формально они прикреплены ко двору эпического монарха, причем это прикрепление обычно является результатом позднейшей циклизации. Сам эпический монарх, воплощая в себе идею народного единства, обычно не играет активной роли в развитии отдельных эпических сюжетов /например, князь Владимир, Баюндур-хан/. Но если даже, подобно Карлу Великому или в особенности Джангару, он сам является богатырем и имеет обычного типа героическую биографию /чудесное рождение, первый подвиг, сватовство, отдельные богатырские поездки и т.п./, эта биография не заслоняет собой и не поглощает самостоятельные сказания о подвигах его боевых товарищей.

Например, в "Манасе" все разнообразное и богатое содержание огромной эпопеи вмещается в широкие рамки эпической биографии этого легендарного властителя, биографии, которая начинается его рождением и кончается его смертью, включает в свой состав его "походы" против врагов киргизского народа, его женитьбу, его распри с непокорными и коварными родичами и мятежными вассалами, и получает продолжение, по принципу генеалогической циклизации, в такой же эпической биографии его сына и наследника Семетея и внука Сейтека.

Это единство является, несомненно, не первоначальным:

оно сложилось в результате длительного процесса образования и развития эпопеи. В этом процессе, с одной стороны, эпическая биография Манаса извнутри расширялась, пополнялась и достраивалась путем внесения в нее обычных для эпоса биографических мотивов /чудесного рождения, детства и т.д./ и систематизации его "походов". С другой стороны, в эти общие биографические рамки оказались включенными и подвиги других богатырей, выступавших первоначально героями самостоятельных эпических сказаний /старый Кошой, Эр Кечке, Эр Тештюк, Чубак, Алмамбет, калмыцкий богатырь Джолой и др./. В исполнении киргизских манасчи, как это видно в особенности по старым записям В.В.Радлова, крупнейшие эпизоды сказания /"Поминки Кокетея", "Женитьба Манаса", "Кезкоманы", "Приход Алмамбета", "Великий поход" и др./ до сих пор сохранили относительную самостоятельность, а некоторые /например "Эр-Тештюк"/ и сейчас ведут обособленное существование, хотя и в тесном соприкосновении с эпопеей в целом. Принадлежащая Орозбакову наиболее полная и законченная версия "Манаса", из которой мы исходим, являясь несомненно результатом сознательного собирания всей эпической традиции в рамках грандиозной по своим масштабам, но построенной по единому плану эпопеи.

Напротив, для решения вопроса об историческом генезисе этой эпопеи нужен не сводный, обобщающий текст, а максимальное разнообразие вариантов. Поэтому собирание новых вариантов является очередной задачей изучения "Манаса". Сравнение этих вариантов между собой позволит разложить

исторически сложившееся единство поэмы на составные элементы, из которых оно возникло в процессе своего многовекового становления и развития.

В общих рамках эпической биографии Манаса можно выделить в целях ориентировочных следующие основные группы эпизодов: 1/ собственно биографические мотивы /рождение и детство, добыча невесты, смерть/; 2/ распри с родичами и вассалами; 3/ народные праздники и пиры /"Поминки Кокетея" и др/; 4/ "походы" Манаса.

1. Эпическая биография Манаса, в соответствии с представлениями патриархально-родового века, начинается с родословной. В версии Оросбакова наиболее отдаленными предками Манаса являются Тубей-хан и его сын Кетей, прадед Манаса. О них не сохранилось никаких сказаний, что косвенным образом указывает на древность и первоначальную изолированность фигуры самого героя. Дед Манаса, с которого его родословная начинается у Радлова и Валиханова, носит у обоих авторов одинаковое имя Бойон-хан /или Буюн-хан/, которое тем самым, повидимому, восходит к древней традиции. У Оросбакова дед Манаса /сын Кетей-хана/ именуется Ногой-ханом, т.е. собственное имя заменено племенным названием. У Караласва он назван Кара-ханом - обычное, широко распространенное в тюркском фольклоре имя эпического или сказочного властителя.

Исторические времена киргизского народа начинаются для Оросбакова с Ногой-хана и его четырех сыновей Оросду, Усена /Кёкомана/, Джакыпа и Бая. В рамках "большой семьи"

Ногой-хана будут в дальнейшем развиваться все события эпопеи, в особенности - дружеские и враждебные отношения между родичами, принадлежащими к правящей семье киргизских ханов. Судьба Ногоя отождествляется сказителем с судьбой всего киргизского народа: его былым благоденствием и могуществом в легендарные счастливые времена хана Ногоя, его последующим рассеянием, изгнанием и порабощением калмыками и китайцами при неспособных и слабых сыновьях Ногоя, его новым об"единением и возрождением в героический век его воинской славы и могущества под властью внука Ногоя - богатыря Манаса.

Рассказ о рождении и детстве Манаса слагается из ряда традиционных мотивов, широко распространенных в мировом эпосе и сказочном фольклоре.[1] Герой рождается чудесным образом по молитве уже престарелых родителей, терпящих стыд и поношение за свое бесплодие. У тюркских народов мотив этот встречается уже в средневековом огузском эпосе "Китаби-Коркуд" /в песнях о Бамси-Бейреке и о Бегач-Джане/, а в современном эпосе - в "Алпамыше", "Идиге", в большинстве казахских богатырских песен /"Кобланды-батыр", "Шора-батыр", "Эр-Сайын"/ и др. Встречается он уже очень рано и в классической средневековой литературе му-

---

1/ См.В.М.Жирмунский "Литературные отношения Востока и Запада в свете сравнительного литературоведения", стр. 156-160 /Труды юбилейной научной сессии Ленинградского Гос.Университета. Секция филологических наук. Лгрд. 1946/. - О чудесном зачатии и рождении героя ср.А.Н.Веселовский "Историческая поэтика" /ЦЧО/, стр.533-538

сульманского Востока /"Лейли и Меджнун" Низами - XII в., "Фархад и Ширин" Навои - XV в./ и в среднеазиатских тюркских народных романах, основанных на персидско-арабских книжных источниках /"Сейфуль-Мелик", "Гюль и Санаубар", "Хемра" и др./. Популярности этого мотива в мусульманском фольклоре могло способствовать библейское сказание о патриархах Аврааме и Сарре, в свою очередь основанное на тех же народных воззрениях. Мотив этот представляет один из частых случаев характерных для эпоса и сказки представлений о чудесном рождении героя. Святой, по предстательству которого обычно рождается герой, первоначально, вероятно мыслился как отец героического младенца /родовой тотем или божественный родоначальник/.

Чудесные сны родителей предвещают рождение героя. Из многочисленных в международном фольклоре примеров напомним аналогичные рассказы о рождении персидского царя Кира, Чингис-хана и др. Вкушение матерью Манаса во сне чудесного яблока представляет смягчение широко распространенного мотива чудесного зачатия от вкушения какого нибудь плода, чаще всего - именно яблока, которое подносит бездетной матери ее божественный покровитель, святой старец и т.п., или от солнца, от воды священного источника, от запаха цветка и т.п. По своему происхождению подобные древние сказания связаны, как указал акад. А.Н.Веселовский, с первобытными представлениями о "партеногенезисе" /т.е. девственном зачатии/, восходящими к эпохе материнского рода.[1] В более позднее время эти фольклорные мотивы

1/ См.А.Н.Веселовский "Историческая поэтика", стр.533 и сл.

остается в эпосе и сказке как традиционный элемент чудесного в биографии героя.

Другие предзнаменования падают на время беременности матери Манаса. Сердце убитого тигра, с"еденное Чийирды, передает Манасу силу и мужество тигра. Сходным образом и в казахском эпосе мать богатыря Шора-батыр, будучи беременной, испытывает непреодолимое желание поесть львиного мяса, которое добывает для нее мальчик-пастух.[1] В основе этих рассказов лежат представления т.н. "симпатической магии". Аналогичные примеры сообщает английский этнограф Фрэзер: "Туземцы Ассама, мири, очень любят тигровое мясо, которое является мужской пищей, оно придает воинам силы и мужества". "В скандинавских сказаниях рассказывается об Ингиальде, сыне короля Аунунда, что он в молодости своей был очень робким. Он, однако, сделался очень храбрым и смелым, с"ев сердце льва".[2]

Тяжелые и неестественно продолжительные роды предвещают появление на свет богатырского младенца необычайной величины. Необычный рост и физические силы ребенка проявляются уже в колыбели: будущий герой не дает себя пеленать; несколько мамок не могут насытить его голода. Озорство и буйное поведение по отношению к сверстникам и старшим с ранних лет свидетельствуют о его богатырской удали. Все эти "общие места" эпической биографии Манаса,

---

1/ См. акад. А.С.Орлов "Казахский героический эпос" /Москва 1945/, стр.89

2/ См. Джемс Фрезер "Золотая Ветвь" /1928/, ч.1У, стр.27.

рока" /"Төрт пайгамбар" - вероятно, четыре первых халифа, сподвижники Магомета/. Сходные эпизоды содержат биографии ближайших соратников Манаса - китайца Алмамбета и Чубака /в варианте Караласва/. Все это - отражение позднейших мусульманских влияний, как и "ученое" аллегорическое истолкование трех арабских букв имени Манаса у Орозбакова.

Типичным для эпоса тюркских народов является рассказ о воспитании мальчика Манаса пастухом Овшаром. Будущий властитель, по разным причинам, проводит свое детство в семье пастуха, воспитывается пастухом и сам пасет стада как пастух /сказания о детстве Идиге, узбекская версия Горогли и др./. Мотив дружбы ханского сына с простыми людьми должен в дальнейшем мотивировать в представлении народа его любовь к народу и заботу о нем, патриархально-демократический характер власти "доброго правителя".

Свой первый подвиг - убийство насильников-калмыков - юный Манас, согласно версии Орозбакова, совершает в возрасте 9 лет /по Радлову - в 6 лет/. Для эпических сказаний всех народов характерен юный возраст, в котором герой впервые показывает свои силы, совершая подвиг, обычно непосильный для старших. С этого времени начинается борьба Манаса против поработителей киргизского народа, калмыков и китайцев, которая заканчивается "великим походом" на Бейджин и смертью Манаса. Первые победы, одержанные над врагами, позволяют вновь об"единить рассеянный киргизский народ и отстоять его независимость. После этого, по

предложению дружины Манаса, киргизы избирают молодого Манаса своим ханом. Этим кончается "детство Манаса".

Сватовство Манаса к Санырабите /Каныкей/, дочери таджикского хана Атемира /или Патемира/ из Бухары, развивается также по типу эпических сказаний о сватовстве. Отец Манаса Джакып, посланный сватом, после долгих и тщетных поисков по всему свету, находит красавицу, достойную быть невестой его сына. Атемир требует за свою дочь уплаты сказочного по своим размерам калыма, но Джакып пригоняет скота в три раза больше, чем просил Атемир, чтобы показать богатство Манаса.

До сватовства, согласно версии Орозбакова, Манас уже имеет двух жен, добытых войной /т.е. пленниц или заложниц/. Это - Караберк, дочь калмыцкого хана Кайпа, воинственная дева, побежденная Манасом в поединке, и красавица Акилай, дочь побежденного Манасом эфтанского хана Шоорука. Традиционность обоих имен подтверждается неоднократными упоминаниями в версии Радлова: "Кара-Берек, дочь Кайпа, я поймал в степи, Акилай, дочь Шоорука, я захватил в крепости", - хвалится Манас. 1/ Жены и дочери побежденных ханов в тюркском, в частности - в киргизском эпосе, как и в истории, обычно становятся наложницами победителя. Такой же пленницей Манаса, уже после брака с Каныкей, является Алтын-Ай, дочь Айган-хана, из за которой Манас ссорится с Алмамбетом; в варианте Радлова та же Алтынай, дочь

1/ См. В. Радлов "Манас", гл. II, стр. 558-561, 2055-58, гл. У, стр. 548-553.

Ай-хана, достается Алмамбету, который сумел пленить ее сердце, тайно пробравшись во дворец к ее отца /эпизод, связанный в обоих случаях с заговором Кёкомановых/[1]. Столкновение витязей при разделе добычи из за прекрасной пленницы имеет знаменитую аналогию в "Илиаде" Гомера в ссоре Агамемнона и Ахилла из-за Брисеиды. В эпических сказаниях тюркских народов сходный пример представляет ссора Идиге с его сыном Нуреддином из за дочерей побежденного хана Тохтамыша.

Сватовство Манаса к Кашкей мотивировано у Орозбакова в духе обычаев мусульманской эпохи. Манас, имеющий двух жен, захваченных силой, хочет добыть себе "законную" жену, просватанную ему отцом и купленную за калым, согласно обычаю. Однако это истолкование сватовства Манаса является позднейшим переосмыслением. Как видно из записи Валиханова, свадебная поездка Манаса первоначально имела характер героического сватовства, в котором невеста добывалась силой.

"Поэма", пишет Валиханов, "начинается тем, что юный Манас посылает своего отца сосватать ему Караханову дочь Канкею, у которой "лицо было как снег и румянец ланит оттеняется как кровь, упавшая на снег". Эта принцесса имеет 15 лет от роду, "волосы длинные до пят, запах подобный мускусу и зубы, как жемчуг". Якуб, отец Манаса, долго странствует, отыскивая невесту сыну: "лошадь его отощала, по выражению поэмы, как игровая палка, и насекомые явились на его теле величиною с воробья". Наконец он дости-

---

1/ См.В.Радлов, "Манас", гл.У, стр.1825-2138.

гает аулов, но получает отказ: "Моей дочери приличен ханский сын, твоему сыну байская плебейская дочь", сказал хан. Манас начинает войну и берет царевну силой."[1]

Следы вооруженной борьбы за невесту сохранили и версии Радлова и Оросбакова. Здесь борьба эта мотивирована столкновением Манаса с его невестой на брачном ложе, во время которого дочь Атемира ранит жениха своего кинжалом. Столкновение это является ослабленным вариантом широко распространенного сюжета укрощения богатырской девы, которая, будучи побеждена героем в единоборстве или в брачных состязаниях, становится его возлюбленной или женой, после чего она обычно теряет свою богатырскую силу. В некоторых сказаниях этого типа дева-воительница, побежденная в брачных состязаниях, оказывает своему победителю сопротивление на брачном ложе. Наиболее известный пример представляет сказание о Зигфриде и Брюнхильде в "Песне о Нибелунгах". Аналогичный сюжет известен в русской сказке и в иранском эпосе "Бану-Гушасп-наме"/.[2]

Образ богатырской девы широко распространен в мировом эпосе и восходит по своему происхождению к бытовым отношениям матриархата. Однако тип девы-воительницы в многочисленных пережитках сохраняется и в патриархаль-

---

1/ Валиханов, Сочинения, стр.73.

2/ См.Афанасьев "Русские народные сказки" часть 2 /1938/, №№ 197-200 и др. - Ср.В.Жирмунский, стр.161. - Б.М:Соколов " Эпические сказания о женитьбе князя Владимира" /Ученые Записки Саратовского Университета, том 1, вып.3, 1923/.

но-родовом обществе эпохи варварства /в Европе, например у древних кельтов и германцев/; в частности он хорошо известен и в воинском быте тюркских кочевых племен, в период, предшествующий развитию феодальных отношений и распространению официальной мусульманской идеологии с ее средневековым принципом закрепощения женщины.

В эпосе тюркоязычных народов традиционный образ богатырской девы /алп кыз/, как отражение этих древних бытовых отношений, представлен многочисленными примерами /Барчин в узбекском "Алпамыше", Кортка в казахской былине "Кобланды-батыр" и мн.др./. В "Манасе" он выступает в наиболее архаической форме в сказочных фигурах воинственных предводительниц язычников - калмыков: ханши Оронгу, великанши Каныкей, богатырской девы Сайкал. Героические черты, присущие образу Каныкей, сохранились наиболее отчетливо в версии Караласва, где сватовству Манаса предшествует поход Чубака на Бухару: побежденный в единоборстве с Каныкей, Чубак вынужден бежать, преследуемый воинственной красавицей. В "Манасе" Орозбакова Каныкей, в отсутствии мужа, успешно защищает Талас от младших братьев Манаса, Абеке и Кебеша, поднявших против него восстание. "Собрав волосы под старую тебетейку, сев на черногривого коня, Каныкей победила в бою и разогнала злых родичей Манаса, вернула обратно казну и стала сама во главе эля правительницей. Эль перестал чувствовать отсутствие Манаса". Так и в узбекском эпосе в отсутствии Гороглы его жена Ага-Юнус-пери вооружает женщин Чамбиля на за-

щиту города от врагов и родичей - изменников /"Осада Чамбиля"/.

В основном, однако, Каникей в "Манасе" - не столько дева-воительница, сколько верная подруга героя, его мудрая помощница и советница. Эпос тюркских народов, сложившийся в патриархальных условиях кочевой жизни, охотно изображает жену героя, как его равноправную, умную и мужественную советницу и помощницу. Такими чертами наделены, например, Барчин в "Алпамыше" или Карлыга, жена казахского богатыря Кобланды, и многие другие богатырские жены среднеазиатского эпоса. Каникей /подобно Карлыге в сходной ситуации/ предостерегает Манаса от тяжелого и неосторожного похода в Бейджин, она видит вещие сны, грозящие гибелью ему и всему киргизскому войску, потом она заботливо снаряжает вождя и его дружину для далекого и трудного похода, в отсутствии Манаса она управляет его народом, издали стараясь помочь ему советом и предостережением. Нравственная стойкость и мужество жены властителя проявляются в особенности в тяжелые и трудные дни в отсутствии мужа, при вести о его пленении или мнимой смерти, под властью врага победителя или коварных родичей, угрожающих ей насилием и бесчестием. Тюркский эпос, в соответствии с реальными условиями воинского быта кочевников, нередко ставит жену богатыря перед подобными испытаниями, через которые с честью проходят и названные выше героини узбекского и казахского эпоса. Заговор Кёзкоманов и смерть Манаса показывают

(нтовой героизм Каникей в этих гибельных и вместе с тем исторически типичных обстоятельствах.

Смерть Манаса завершает его эпическую биографию и тем самым - весь эпопею. Манас погибает вместе со всей своей дружиной во время своего последнего победоносного похода на Бейджин. У Караласва китайский богатырь Конурбай, главный враг Манаса, изменнически настигнув беззащитного героя во время совершения утреннего намаза, отравленным оружием наносит ему смертельную рану. Дружина Манаса погибает при отступлении от Бейджина вместе с раненным вождем. Сам Манас, пережив и оплакав своих витязей, умирает на руках Канике по возвращении в свою столицу Талас.

У Орозбакова за "великим походом", заканчивающимся, как и у Караласва, взятием Бейджина, следует паломничество Манаса в Мекку: во время паломничества Манас узнает о восстании калмыков и китайцев и о их нападении на Талас. Он спешит вернуться на родину, побеждает еще раз врагов, но в этом последнем, "малом" походе на Бейджин погибает вместе со своими дружинниками.

В записях Валиханова имеется лишь краткое сообщение о том, что Манас убивает калмыцкого хана Лжолоя и китайского богатыря Конурбея и погибает "от руки монгольского хана Нао-Кори" /т.е. Нескари/. Версия Радлова эпизода гибели Манаса и его дружины не содержит.

Паломничество Манаса в Мекку в несколько ином контексте упоминается и в текстах Радлова. Аналогичные мо-

тивы, подсказанные господствующим мировоззрением феодальной эпохи, хорошо известны эпосу народов Востока и Запада. Многие герои средневекового французского и немецкого эпоса, после бурной молодости, заполненной воинскими подвигами, на старости лет, покаявшись, кончают жизнь в монастыре. То же рассказывает киевское предание и о русском богатыре Илье Муромце. Карл Великий со своими палладинами совершает паломничество в Иерусалим. Васька Буслаев со своей дружиной отправляется в "святую землю" искупать грехи своей молодости, потому что "много было убито-награблено". Во время этого паломничества он погибает. В эпосе мусульманских народов аналогичный мотив засвидетельствован уже в средневековых эпических сказаниях огузов. Хивинский хан Абульгази в своей "Родословной туркмен" /около 1660 г./, основавшей частью на устных преданиях, сообщает о главном богатыре огузского эпоса Казан-альпе, что он "на старости лет отправился в Мекку и, сделавшись хаджи, возвратился"[1]. Тоже рассказывается в азербайджанской версии эпических сказаний о Кероглы, который на склоне лет совершает паломничество в Мекку и на обратном пути погибает от руки убийцы.

Хотя сам мотив паломничества Манаса и не является, повидимому, созданием Орозбакова, этому последнему почти целиком принадлежит его разработка, в которой мо-

---

1/ Абуль-Гази-Бохадур-Хан, "Родословная туркмен", перевод А.Тумянского /Ашхабад 1897/, стр.63.

тивы современные прихотливо сочетаются со сказочной фантастикой /бои с великанами, с многоглавым чудовищным верблюдом, столкновение в море с огромной рыбой, длиною в 10000 охватов, и т.п./.

Слава, окружавшая народного героя при жизни, вместе с ореолом божественной помощи и "избранничества", является предпосылкой его посмертного культа, в котором, сквозь христианские и мусульманские формы почитания святых, их останков и реликвий, еще просвечивают более древние черты культа предков-героев. Мощи и реликвии паладинов старофранцузского эпоса почитались в монастырях, в которых, согласно эпической легенде, они на старости лет постригались в монахи. Согласно такой же легенде мощи богатыря Ильи Муромца показывали в пещерах Киевской лавры, а героев сербского эпоса - в монастыре Хиландар. Туркменская народная легенда знает "мазар" Кёроглы, который был до революции предметом поклонения, а в середине XVII в., по свидетельству хивинского хана Абуль-гази, в низовьях Сыр-Дарьи показывали мавзолей Барчин, богатырской девы из племени огузов, жены бека Мамыша /т.е.Алпамыша/.[1]

Подобно этому распространенная по всей Киргизии эпическая легенда соединяет имя Манаса с его легендарной столицей, древним городом Таласом /Талас или Тараз, позднее Аулие-ата, ныне - Джамбул/. Здесь находится мавзолей, о котором рассказывает и поэма, где, согласно народному поверью, похоронен Манас. По данным современной археоло-

---

1/ "Родословная туркмен", стр.73.

гии мавзолей Манаса построен в первой половине XIУ в. Арабская надпись на портале свидетельствует о том, что он был воздвигнут в память некой "Кенизек-хатун", дочери "эмира Абука".[1]

Постройкой мавзолея и похоронами Манаса заканчивается биографическая линия сюжета. Однако народное сказание в своем оптимизме не может примириться с трагической и несправедливой гибелью народного героя. После смерти Манаса власть над киргизами переходит к его младшим братьям Абеке и Кёбёшу, сыновьям младшей жены хана Джакипа, калмычки Бакдолет. Они же посягают и на вдову Манаса, Каникей, в надежде, с помощью женитьбы, укрепить в народе авторитет своей власти. Отец Манаса Джакип, выступая в роли свата вдовы своего старшего сына, исполняет только старинный обычай родового строя, широко распространенный и среди тюркских народов, согласно которому право на жену покойного переходит к его младшему брату /левират/. Однако по отношению к вдове Манаса народное сознание переосмысливает посягательство Кёбёша и роль Джакипа как святотатственное преступление. В варианте Радлова Каникей отвечает сватам, что она имеет во чреве младенца от Манаса. Если этот младенец окажется девочкой, она умертвит его /"потопит в воде и сожжет в огне"/ и выйдет замуж за Кёбёша; если это будет мальчик, она никогда за Кёбёша не пойдет.[2] Рождается сын, Семетей, и Каникей, вместе с матерью Манаса, старой Чийирды,

---

1/ См.А.Н.Бернштам "Мазар Манаса" /Фрунзе 1946/, стр.7-10.

2/ Радлов, "Манас", кн.У1, стр.107-112.

и младенцем, с помощью Бакая, бежит к своему отцу в Бухару, чтобы спасти будущего наследника Манаса от покушений братьев своего мужа. В вариантах Орозбакова и Караласва Семетей родится еще при жизни Манаса, который сам дает указание Каныкей бежать с младенцем в Бухару от преследования его младших братьев.

Рождение Семетея, будущего непобедимого богатыря, наследника власти Манаса и мстителя за отца, подготовляется в эпосе обычными мотивами - долгой бездетности родителей, их печали о своем бесплодии, чудесного зачатия по благословению свыше /в версии Орозбакова - по молитве старого Кошоя на поминках Кокетея/, а в дальнейшем - тяжелых родов Каныкей, предвещающих появление на свет богатырского младенца. Этим дается завязка для продолжения эпопеи "Манаса" по принципу генеалогической цикливации.

2. Другую линию в развитии сюжета представляют распри Манаса с родичами и столкновения с непокорными вассалами.

Распри между родичами, как широко распространенное явление эпохи варварства при условиях начинающегося разложения патриархально-родовых отношений, отражаются в героическом эпосе целым рядом сюжетов, типичных для этой общественной стадии . Наиболее известный пример в эпосе западноевропейских народов - германские сказания о Нибелунгах, где Гунтер и его братья убивают своего названного брата Зигфрида, мужа их сестры Кримхильды /или Гудруны/, а эта последняя /или ее второй муж Аттила/ убивает

братьев в отмщение за убитого мужа.

В сознании киргизского народа Манас является воплощением народного единства, как прочного основания свободы и независимости народа; поэтому родовые распри, борьба непокорных родичей против Манаса, рассматриваются в эпосе как проявление корыстных эгоистических интересов, коварства и злобы. Победив калмыков и китайцев и восстановив былую независимость киргизов, юный Манас собирает и об"единяет под своей властью рассеянных врагами родичей, сыновей хана Ногоя. Возвращается из изгнания братья Жакыпа - Бай, Оросду, Кёзкеман, со своими сыновьями. Но только Бакай, сын Бая, становится верным соратником и мудрым советником Манаса. Остальные двоюродные братья - 10 буйных сыновей Оросду и 5 сыновей Кёзкемана завидуют его могуществу и злоумышляют против него. Манас проявляет по отношению к своим непокорным родичам заботу и уступчивость, иногда вопреки проницательным предостережениям Каникей, и каждый раз становится жертвой их коварных козней. В версии Орозбакова мотив этот повторяется несколько раз: кроме сыновей Оросду и Кёзкеманов против Манаса, во время Великого похода на Бейджин, восстают также его младшие братья от другой матери калмычки, Абеке и Кёбеш. Впоследствие, после смерти Манаса, как уже было сказано, они с помощью Жакыпа захватят власть в Таласе и будут пытаться овладеть Каникей и убить Семетея, законного наследника Манаса.

Из этой серии эпизодов в эпической традиции наибо-

лее разработан "заговор Кёзкоманов", который был записан еще Радловым в двух вариантах /один под заглавием "Смерть Манаса"/. Брат Джакыпа Усен, прозванный Кёз-коман /"свиной глаз"/, живя в изгнании среди калмыков, женился на калмычке и сам окалмычился. Эпос весьма картинно и с юмором изображает возвращение этих родичей Манаса, ставших калмыками = "язычниками", их чужеземную наружность, костюм, язык, обычаи и поведение. Приняв притворно мусульманство, которое проповедует им Бакай, сыновья Кёзкомана, во главе со старшим Кёчкёкёзом, сразу начинают интриговать против гостеприимно принявшего их Манаса. "Манаса и его сорок дружинников никто из простых смертных в открытом бою убить не может". Поэтому заговорщики решают "подмешать отравы в буузу и арак, которые они пьют, и убить их, когда они обессилят". Умирающего Манаса спасает один из его дружинников Боо-уул, предупрежденный о заговоре; преследующий его Кёчкёкёз наносит ему тяжелую рану; двое других соратников Манаса, Серек и Сыргак, случайно находившиеся на охоте, уносят его тело в пещеру вместе с мертвыми телами его дружинников. Власть в Таласе переходит в руки Кёчкёкёза и его братьев. Чтобы укрепить свой авторитет, новый властитель, по праву левирата, хочет жениться на юной вдове Манаса, но Каныкей не принимает его сватовства. Вся семья Манаса, его жена, сестра, старый отец и мать, остаются жить на положении нищих и рабов, терпят насилия и оскорбления захватчиков /как в узбекском эпосе - семья Алпамыша, находящаяся во время его безвестного отсутствия в аналогичном положении под властью са-

мозванца Ултантаза/. Исцелить Манаса и его соратников удается Каникей. Манас возвращается в Талас и восстанавливает свою власть.

Первоначально эпическое сказание повествовало, по-видимому, о смерти и воскрешении героя, убитого его врагами Кёкомашами, как о том свидетельствуют оба старые записи Радлова. У Орозбакова ранение и исцеление Манаса представляет позднейшее ослабление чудесного мотива его воскрешения, хотя и здесь дружинники Манаса изображаются как бы умершими, и исцеление их Каникей фактически является воскрешением, как в старой предполагаемой нами версии сказания. Мы имеем здесь древний сказочный мотив, широко распространенный в тюркском и монгольском эпосе на его более архаических стадиях /алтайские эпические сказания "Алтай-Буучай" и "Когутэй", бурятский "Аламжи-мерген", многие якутские "Элонхо" и др./. Герой, убитый своими коварными родичами или врагами, иногда при участии неверной жены или изменницы - сестры, воскрешается либо своим богатырским конем, который приносит ему живой воды /или лечебного зелья/, либо, как в сказке, благодарным животным, либо в позднейшую эпоху - сестрой или верной женой. В киргизском эпосе, кроме "Манаса", этот сюжет разработан в сказочной поэме "Хан Шолой", в старой версии Радлова.

В "заговоре ханов", предшествующем "Великому походу", против Манаса выступают уже не родичи, а самостоятельные феодальные князья или, точнее, вожди племен, об"единившихся под его властью. В версии Орозбакова в

заговоре участвуют 6 ханов /у Караласва - 12/: Тёштюк, сын Элемана, казах Кёкчё, карапогасц Джамгырчи, андижанский хан Сынчи-бек, Музбурчак /по Радлову - афганский хан, у Караласва - туркмен/ и Кипчак урбй, оскорбленный Манасом на поминках Кокетея; седьмой, катаганец Конгой, отказывается принять участие в вооруженной борьбе. Зачинщиками и главарями являются Тёштюк и Кёкчё. Все они - главари самостоятельных племен, побежденные Манасом или добровольно отдавшиеся под его власть. Они считают себя равными Манасу и настаивают на своих наследственных правах. "Мы ровня с Манасом. Отцы наши были равными /джолдошами/. Не подобает нам терпеть от него грубые окрики и сносить удары его камчи". "Нужно перебить его кирк-чоро /сорок дружинников/, а самому ему показать, что значит оскорблять таких ханов, как мы".[1]

В версии Сорозбакова Манас устрашает своим могуществом и личным авторитетом сперва послов строптивых ханов, а потом и их самих. У Караласва дело доходит до кровопролитного сражения между войсками ханов и дружиной Манаса, которое останавливает своим вмешательством мудрый Бакай. В обоих случаях ханы вынуждены на"явить покорность, и Манас об"единяет их для великого общего дела - похода на Бейджин. Сказители и в этой борьбе целиком на стороне Манаса как об"единителя киргизского народа в его борьбе за независимость, за сплочение первоначально независимых племен в один народ, против межплеменных распрей и феодальных междоусобиц. Однако в условиях воинского быта эпо-

[1] Пер. А.А. Валитовой

хи варварства, как в варварских империях Запада в эпоху "великого переселения народов", черты морального авторитета патриархальной власти выборного хана "военной демократии", грозного военного вождя и прославленного богатыря, сочетаются в правдивом изображении сказителей "Манаса" с самовластием и насилием, военной диктатурой и личной тиранией монарха и его приближенных, которые вызывают ропот и негодование племенной аристократии, в особенности - первоначально независимых вождей племен.

В "Манасе" имеется несколько подобных эпизодов. На поминках Кокетея Манас наносит незаслуженное оскорбление своему соратнику Урбу, которого он бьет камчей /у Орозбакова/ или гонится за ним с обнаженным мечем /в записи Радлова/[1]. Сцена эта повторяется у Радлова в столкновении между Алмамбетом и Сереком, которого Алмамбет до крови бьет по лицу своей камчей[2]. Алмамбет - чужеземец, пришелец, для киргизов он - "безродный" калмык, но он первый из дружинников Манаса и главная опора его власти. Естественно, что занимаемое им при дворе хана Манаса положение вызывает зависть и недоброжелательство представителей старой родовой аристократии киргизов, вождей родов и племен. Отсюда один из самых ярких эпизодов "великого похода" - столкновение между Алмамбетом и Чубаком, вызванное спором между их дружинниками во время игры в "ордо", спором, задевшим честь и достоинство их предводителей.

1/ См. Радлов "Манас", гл. IУ, стр. 559-579.

2/ Там же, гл. У, ст. 1316 сл.

Нойгут Чубак, сын Ак-Балты, - тоже не "подданный" Манаса, а самостоятельный племенной вождь, союзник, добровольно подчинившийся внуку хана Ногоя. Поэтому при случае он может напомнить властителю о своих правах и заслугах. Он говорит Бакаю, которого Манас, чтобы успокоить гнев своего разгорячившегося молодого соратника, послал к нему с почетными дарами:

"-Если ты и Манас происходите от Ногоя, то я веду свой род от Нойгута. Я с тринадцати лет пришел к Манасу и с того времени до сих пор я был его казат-ташем /сподвижником в походе/, если он садился на коня, табак-ташем /сотрапезником, в походной еде и ел с ним из одного блюда. Я все время был предан и верен ему, всегда во всем подчинялся. Сколько раз я спасал его в страшных схватках. Неужели твой Манас более велик, чем Чубак? Разве Нойгут уступает Ногою?"[1] Чубак отказывается уступить первое место в ряду соратников Манаса Алмамбету, пришельцу, чужаку. В эпосе "Семетей" это отношение отчасти повторяется между соратниками Семетея - Кель-Чоро /сыном Алмамбета/ и Кан-Чоро /сыном Чубака/. Но здесь завистливый и коварный сын Чубака становится в прямом смысле изменником, переходит на сторону врагов Семетея, участвует в убийстве своего вождя и несет вину за тяжкие надругательства, которые терпит после смерти Семетея его верный соратник, сын Алмамбета. Достигший совершеннолетия сын Семетея Сейтек, восстановив свою власть над народом, убивает изменника.

[1] Пер. Н.А.Баялиевой

3. Рядом с изображением военного быта существенное место в "Манасе" занимают картины мирной жизни киргизского народа, в особенности - пиры и общественные праздники. Такие праздники и пиры, в соответствии с обычаем, сопровождают в "Манасе" все основные этапы человеческой жизни - рождение ребенка, свадьбу, похороны; они превращаются в общенародное торжество после победы над врагом. На таком "сорокодневном пире", в присутствии гостей из многочисленных связанных между собой родов и племен, вспоминаются обычаи старины, знаменитые витязи соперничают друг с другом в еде и питье и в богатырских воинских состязаниях - в конских ристаниях /байге/, стрельбе в цель, борьбе, состязании на копьях /саил/, и т.п., сказители воспевают славу героев. В "Манасе" Орозбакова серия таких народных празднеств и пиров сопровождает развитие сюжета от рождения героя до его смерти; в особенности же широко развернутая картина пира обычно заканчивает каждый очередной "поход" и венчает победу, одержанную над "неверными". Некоторые из этих пиров надолго остаются в памяти участников - либо удалью, проявленной на состязании, либо столкновением между отдельными богатырями и соперничающими родами, завязкой новых конфликтов и сюжетных осложнений.

Так неоднократно вспоминается пир, устроенный в честь победы Манаса над ханом Текеса братом побежденного хана Тайша, которого Манас поставил властителем покорен-

ного им края. Во время этого пира Манас едва не потерпел поражение в единоборстве с калмыцкой богатыршей Сайкал. Вспоминается и пир Бай-Бижигита перед его откочевкой на Алтай, связанный с подготовкой заговора Кезкоманов. Но самостоятельное значение, как отдельный узловой эпизод, имеет только знаменитая тризна /"кара аш"/, которую устраивает, при ближайшем участии Манаса, молодой Бок-Мурун по своему приемному отцу Кокетеру, старому соратнику Манаса.

"Поминки Кокетея" принадлежат к числу наиболее популярных эпизодов "Манаса" и многократно засвидетельствованы в певческой традиции, в частности - старыми записями Валиханова и Радлова /"Бок-Мурун"/. Бытовой реализм этого раздела эпопеи, в особенности - в исполнении Орозбакова, вполне может соперничать с героикой "Великого похода" и наводит на мысль о подлинном событии далекого прошлого, впоследствие героизированном в народном воспоминании. Праздник, с его старинными народными обычаями, играми и воинскими состязаниями, является как бы смотром, об"единяющим в одной широкой эпической картине всех многочисленных участников действия грандиозной эпопеи. На похоронную тризну хана, в соответствии с обычаем, с"езжаются не только все киргизские племена и их союзники, но и соседи - иноплеменники, калмыки и китайцы с их вождями. Длинный каталог имен этих вождей, которых Бок-Мурун приглашает на поминки своего отца, вложенный в уста его посланника Ак-Аждар-Чора /по записи Валиханова/, своей исчерпывающей полнотой напоминает знаменитый "каталог кораблей" во II песне "Илиады" и служит той

же цели - развернутой экспозиции действующих лиц эпопеи.[1]

В сюжетном развитии "Манаса" поминки Кокетея являются важным поворотным пунктом. Вслед за сценами воинских состязаний между лучшими бойцами "мусульман" и "язычников" - борьбой Конея с киргизским великаном Джолоем и поединком на копьях самого Манаса с китайским богатырем Конурбаем, в которых оба раза киргизы побеждают своих противников, разыгрываются кровавые столкновения между хозяевами и иноплеменными гостями. Гости ведут себя вызывающе, во время грандиозной байги силой отбивают призы у победителей, состязание переходит в кровопролитную битву за угнанные Конурбаем киргизские табуны, в которой побеждают Манас и его дружинники. В версии Радлова, в отместку за насилия, совершенные во время пира, Манас и Алмамбет совершают набег на калмыцкого хана Джолоя, захватывают его табуны и убивают самого Джолоя и его двух сыновей. В записях Валиханова "Поминки Кокетея" также заканчиваются кровопролитием и войной, в которой Манас убивает Джолоя.

С другой стороны, поминки Кокетея в версии Орозбакова еще раз показывают могущество и силу Манаса в их апогее: Манас выступает здесь как господин и неограниченный повелитель над киргизами и союзными с ними тюркскими племенами, с чертами патриархального властителя, уже перерастающими в феодальное самовластие. Здесь же

1/ См.Валиханов, стр. 216-221; ср.у Радлова "Манас", гл. IУ, стр.20 - 174.

намечается повод для личного недовольства /столкновение с Урбу и др./, для межплеменных распрей, для справедливых жалоб на тяжкое бремя, которым многомесячное пиршество Манаса и Бек-Мурупа легло на киргизские плечи.

Таким образом и заговор мятежных ханов и последний "великий поход" Манаса на Бейджин одинаково подготовлены в грандиозной экспозиции "Поминок Кокетея".

4. Самую значительную группу эпизодов, основную сюжетную ткань героической эпопеи, представляют "походы" Манаса, его "казаты". Состав этих походов в различных известных нам версиях "Манаса" различен. С наибольшей полнотой они развернуты в версии Сарбагышева.

Согласно этой версии эпическая биография Манаса это история его героической борьбы, сперва за свободу и независимость, за об"единение киргизского народа, потом за его величие, могущество и широкую военную экспансию. В начале поэмы, как уже было сказано, киргизы, побежденные и порабощенные калмыками и китайцами, потеряли свою политическую независимость, живут в рассеянии и изгнании под чужеземной властью, с покорностью переносят насилия и унижения со стороны своих врагов и частично, утратив свое национальное лицо, принимают чужеземные, "языческие" обычаи и нравы /Кёзкомапы/. Мальчик Манас первый решается оказать сопротивление насильникам калмыкам, напавшим на табуны его отца Джакыпа. За этим следует столкновение с высланными для усмирения восставших киргизов посланцами

китайского властителя Эсен-хана, с войском великана Нескара и Нукер-дое. После этих первых побед киргизы избирают молодого Манаса своим ханом. Под его властью собираются родичи-изгнанники, братья его отца /Бай,Оровду, Кёкомен/ со своими сыновьями, а затем и дружественные и единоверные киргизам тюркские племена /казахи, ногайцы, монгуты и др./, с их племенными вождями и ханами /Коной, Кёкчё, Джамгырчи, Чубак и др./. В более старых версиях сохранились глухие упоминания о межплеменных распрях, предшествовавших этому об"единению /поединки Манаса с Кенче, Тёнтюком, Джамгырчи и др. у Радлова, единоборство с Конеем у Оровбакова/.

Этим открываются"походы" Манаса, которые постепенно подчиняют его власти все народы Средней Азии, входившие в кругозор киргизского сказителя: походы в Восточный Туркестан в союзе с Конеем /"война против 11 дуу-дуней", китайских феодальных правителей этой страны/, в области западного Туркестана /от берегов Иссык-Куля и р. Чу,Алматы и Таласа до Наманган и Андижана, Ташкента и отдаленной Бухары, откуда Манас привозит себе невесту/, походы в Афганистан и, наконец, "великий поход" /"чоңг хаан"/ против Китая, заканчивающийся взятием Бейджина. Общее число "походов" Манаса у Оровбакова - 10 /включая "великий" и "малый" поход на Бейджин и не традиционные походы на Север и на Запад/.

Походы эти мотивируются прежде всего как борьба киргизского народа за независимость против своих веко-

вых иноплеменных угнетателей, всегда готовых восстановить свою власть над еще недавно подвластными им киргизскими племенами. Эти разноплеменные враги в представлении сказителя образуют как бы единую федерацию "языческих" народов, связанных с калмыками и китайцами и находящихся в вассальной зависимости от главного врага Манаса и его соратников - "Великого Китая".

Другой мотив - "возвращение" киргизов с Алтая и из Сибири в Среднюю Азию, на берега Иссык-Куля и в долину Таласа, которые представляются певцу как первоначальная родина его народа в счастливый золотой век хана Ногоя. Отсюда сыновья Ногоя были насильственно изгнаны завоевателями, калмыками и китайцами, и сюда они возвращаются, как победители, под предводительством внука Ногоя, Манаса. Центром киргизского государства становится город Талас, куда Манас переносит свою ставку.

Наконец, мотив защиты родины перерождается постепенно в картину победоносных походов великого завоевателя, своего рода киргизского Чингиз-хана или легендарного Огуз-хана древнетюркских эпических сказаний, основателя варварской империи эпохи "великого переселения народов", подчинявшего своей власти весь известный сказителю среднеазиатский мир.

Для "военной демократии" на высшей ступени варварского общества, в период разложения патриархально-родового строя, "война и организация для войны", по словам Энгельса, "становятся нормальными функциями народной жизни".

"Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одной из важных жизненных целей". "Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом."[1/] Военному вождю и его дружине война дает богатую добычу, стада, рабов, прекрасных пленниц, несметные богатства. В особенности Бейджин, многомиллионная столица древнего, мудрого, богатого Китая, привлекает воинственные кочевые народы своими несметными сокровищами и чудесами многовековой культуры, как когда то в эпоху "великого переселения народов" Рим, столица древнего мира, возбуждал вожделения многочисленных варварских народов севера.

В этом смысле особенно показательно то место "великого похода" в версии Караласва, когда с высокой вершины на границе Китая Манас в свою волшебную подзорную трубу /"дүрбү"/ видит далекий город, предмет его давних мечтаний, великий Бейджин, окруженный железными стенами, с златоверхими воротами и башнями, густую зелень его садов, его каменные мосты, величественные дворцы, несчетные ряды домов, толпы народа, кишащие как муравьи, иноходцев с шелковыми попонами и золотыми подковами, колесницы, запряженные бегущими рысью людьми, знатных мужчин, разодетых

1/ См. К Маркс и Ф. Энгельс, "Собрание сочинений", Т. стр.

в шелка, женщин в длинных шальварах и "верблюдоских" девушек.[1/] Ни один из мировых завоевателей, ни царь Сулейман /библейский Соломон/, ни Искандер /Александр Македонский, ни Рустем, ни Хазрет Али, святой халиф, величайший воин мусульманской легенды, не могли покорить Бейджин, и даже Волны всемирного потопа его не достигли,- говорит сказитель. Киргизскому войску на пути туда предстоит величайшие трудности, препятствия и лишения, от которых предостерегает Манаса его проводник, китаец Алмамбет: борьба со сказочными чудовищами, могучими богатырями и несметными полчищами вражеских войск. Но эти непреодолимые препятствия только разжигают вожделения Манаса и его героических соратников.

Однако высшую идеологическую санкцию эти оборонительные и завоевательные "походы" Манаса в сознании сказителей XIX - начале XX века получают в идее "священной войны" мусульманских народов /"правоверных"/ против "язычников", своего рода "крестового похода" против "неверных". Слово "газават" /"поход"/ является киргизской формой общемусульманского /арабского/ "газават" - "священная война" против "неверных". Сходное обоснование конфессиональной противоположностью "правоверных" и "неверных" /"язычников"/ борьбы народа за независимость против национального врага обычно у всех народов в героическом эпосе феодальной эпохи и характерно для средневекового религиозного мировоззрения. В русских былинах киевского

1/ См. "Манас", Киргизский эпос. Великий поход". /Москва, 1946/, стр.158 сл.

цикле "язычниками" и "неверными" являются "погяне" татары, в южнославянском эпосе - турки, в "Давиде Сасунском" - арабы и т.п. В старофранцузской "Песне о Роланде" Ронсевальская битва превращена в эпизод грандиозного "крестового похода" французских рыцарей против мавров "язычников", в котором христианский витязь Роланд погибает как мученик за веру.

Впрочем, как отметил уже Радлов, в киргизской эпопее эта религиозная, мусульманская мотивировка походов Манаса носит позднейший, наносный и поверхностный характер. "Этот этический мотив борьбы из за веры", писал Радлов, "не свойствен первоначальным преданиям, а внесен в них после кровавых войн прошлого столетия" /т.е. XVIII века/. "Эти войны собственно не были религиозными, но калмыцкие князья и китайцы своими притеснениями возбудили в киргизах магометанах религиозную ненависть к неверующим врагам. Эта ненависть сохранилась до настоящего времени в народе, который и сам имеет об исламе только какие то смутные понятия и считается жителями городов, потинными магометанами, просто неверующим"[1]. Версия Сарабакова, соответственно характеру певца, особенно выдвигает этот новый идеологический мотив.

Враги Манаса, имена которых проходят перед нами в описании его походов, чрезвычайно многочисленны, в особенности у Сарабакова. Среди них имеются ханы, богатыри /"батыри"/ и борцы-силачи /"балбаны", чудовищные вели-

---

1/ См. В.В.Радлов "Образцы", т.У, предисловие, стр.X1.

каны /"дэв" - "дивы"/ и кудесники /"алпы"/. Границы между этими категориями часто стираются: владетельный хан в ряде случаев вступает в бой как богатырь, чудовищной силы вражеский богатырь нередко мало чем отличается от сказочного великана.

Китаем управляет Эсеи-хан; его племянник и главный богатырь, соперник Манаса и его убийца /по Оразбакову/ - Конурбай. Оразбаков называет его младшим сыном Алооке-хана, брата Эсеи-хана, которым, согласно его версии, владеет Андижаном, покуда Манас не изгоняет его обратно в Китай. Оразбаков говорит о Конурбае: "Он был младший братом 60-ти манасов, он был младшим сыном Алооке-хана, он был отпрыском нечестивца Калдая, он был величайшим батыром Китая". Постоянное прозвище Конурбая - Калча /"безобразный"/.

Среди ханов, побежденных Манасом, эпос называет в Восточном Туркестане - Кирмус-хана, правителя Дагалана, которого хитростью убивает Конай, и его вассалов или союзников - Лубуро-хана, Арслан-хана Яркендского, Мунар-хана, позднее - хана Текеса, хана Алакуна Кашгарского и др.; в Средней Азии - Папус-хана Ташкентского, его союзника хана Аирсоу Намангаиского, хана Акунбеиша из Баласагуна, Кийик-хана, Айтек-хана, Орго-хана и др.; в Афганистане - ханов Шорука и Тольке. Некоторые из этих ханов погибают в боях с Манасом и его витязями, другие принимают мусульманство, изъявляют покорность победителю, отдают своих дочерей в жены ему или одному из его приближенных богатырей /Бакаю, Алмамбету, Чубаку/ и даже в

дальнейшем иногда участвуют в его походах, как его вассалы /например Нунар-хан, Кашин-хан и др./. Акун-батыр, младший брат афганского хана Тыныкэ, добровольно приняв мусульманство, предлагает Манасу "бел-куда" /договор между родителями об обручении еще не родившихся детей/: его дочь Айчурек во второй части эпопеи становится женой сына и наследника Манаса, Семетея.

Многочисленные вражеские богатыри вступают в поединок с Манасом и погибают от его руки: Нукер-дэо, посланный Эсен-ханом для усмирения восставших киргизов, калмыцкий "жэнжуи" /богатырь/ Тулуо, китайский богатырь Банкы, кашгарский Дагалык и мн.др. Манас поочередно уничтожает 15 балбанов Дуфуро-хана, вызжающих в бой верхом на слонах. Бакай убивает на поединке Колонг-балбана, Сыргак-Чагалак-балбана и т.д. Рядом с этими эпизодическими фигурами через весь эпос проходят самые знаменитые из вражеских богатырей великан Нескара и прожорливый Джолон. Подобно последнему сказочными фигурами являются одноглазые великаны: Мальгун, охраняющий границы Китая и Медикен-дэо, который вступает в бой верхом на одноногом быке. Наконец к той же категории сказочных персонажей относятся женщины великаны, предводительствующие войсками язычников-ханш Оронгу, великанша Канышай и богатырская дева Сайкал.

Версия Караласва гораздо беднее боевыми эпизодами, именами вражеских богатырей и менее широка по географическим рамкам "походов". Согласно исследованию К.Рахматуллина, "у Саякбая совершенно отсутствуют походы на север,

на запад, в Среднюю Азию, на Кашгар, война с Алтан-ханом. Из боевых эпизодов, отражающих борьбу в Средней Азии и на Кашгаре, у него есть сражение с китайским ханом Нооруком и поход Конея /без Манаса/ на Кашгар".[1]

В записях Радлова вообще нет "сказаний", в том числе и "великого похода". Однако о победах и завоеваниях Манаса мы узнаем из неоднократных намеков в тексте поэмы, в рассказе сказителей или в похвальбах самого героя при встрече с врагами. Манас, по словам поэмы, победил китайцев, кызыл-башей /персов/, сартов, коканцев, таджиков, "калчаров" и даже индийцев.[2] Он совершил набеги на Коканд, Бухару, Кашгар и Турфан.[3] "Все народы, кроме русских, подчинил себе Манас", говорит сказитель. "Все народы, кроме русских, склонили головы перед Манасом"[4] Это выделение сказителем русских и "белого царя", высшую власть которого признает и сам Манас, Радлов об"ясняет как акт внимания певца-импровизатора к своему русскому слушателю. Повторяющиеся упоминания о Кара-Керик, дочери Кайыпа, и Акылай, дочери Ноорука, как о военной добыче Манаса, указывают на знакомство сказителей XIX века с соответствующими эпизодами сказания.[5] . С заговором Кёкэтаев связан, как у Оразбакова, поход Манаса и Алмамбета против Алтэн-хана /у Радлова - Аяхана/,

---

1/ См К.Рахматуллин "Манас Сагымбая и Саякбая /Сличение содержания двух вариантов/" /в печатном сборнике Кир. ФАНа, печатается/.
2/ Радлов "Манас", гл.Ш,стр.51-57,376-400 и предисловие, стр.1Х.
3/ Там же, гл.1,стр.157-164
4/ Там же, гл.Ш,стр.44-48
5/ Радлов "Манас",гл.Ш,стр.538-561,2055-58;гл.У,стр.248-253.

дочь которого достается, однако, не Манасу /как у Орозбакова/[1], а Алмамбету.

Из вражеских богатырей первые места у Радлова также занимают китаец "остроносый Конгурбай" /т.е. Конурбай/ и хан Джолой, прожорливый великан чудовищных размеров и силы, единственный "достойный противник" Манаса, по словам Радлова[2], которым, как уже было сказано, погибает после поминок Кокетея в битве с Манасом и Алмамбетом. Мимоходом несколько раз упоминается языческий хан Нескара, один раз - хан Алеуке /т.е. Алеоке/. С именем последнего связывается здесь первый подвиг мальчика Манаса - освобождение киргизов от дани вражескому хану. Богатырша Оронгу принимает участие в байге и в комически-непристойной игре "развязывания вербанда"; Сайкал /или Ак-Сайкал/ является здесь женой хана Джолоя. Имена китайского богатыря "большеносого Конурбая", Джолоя, Нескары, Алеоке /в форме Алеке/ и Оронгу /"Урун-хан-хатун/ богатырь-баба"/ упоминаются и Валихановым, двое последних - в числе приглашенных на поминки Кокетея. Манаса убивает Нескара, с которым ранее /как и у Радлова/ воюет Комой из-за взятого им в плен Билерика.[3] В кратком переложении Валиханова "казаки" также не развернуты /хотя Манас называется "владетелем бесчисленных народов"/; нет и "великого похода" на Бейджин.

1/ Радлов "Манас", гл.У, 1825-2138

2/ Там же, предисловие, стр.1А.

3/ См.Валиханов,стр.217; Радлов "Манас" гл.1У, стр. 1021-24.

К сожалению, старые записи XIX века слишком бедны и неполны, чтобы по их основании судить о первоначальном составе "походов" Манаса и о круге имен его легендарных противников, имевших прочную, давно сложившуюся традицию. Во всяком случае записи эти позволяют выделить, как безусловно древние, имена Конурбая, Бюлюл, Кескары, Алооке, богатырши Сайкал и Ороигу, которые и у Орозбакова проходят через весь эпос, а также более эпизодические имена ханов Ноорузна, Кайпна и Алтай-хана, связанных с Манасом через своих дочерей.

Дальнейшая запись вариантов и их сравнительное изучение внесут и здесь необходимые уточнения. Можно, однако, уже сейчас признать довольно вероятным, что широкая разработка и систематизация "хазатов", как и огромное число имен, встречающихся в версии Орозбакова, частично являются результатом творческой обработки и об"единения разрозненной эпической традиции, которыми мы обязаны "великому эпину".

3.

Образ Манаса, созданный киргизскими сказителями, об"единил в себе черты могучего богатыря, соответствующие идеалу героической доблести и физической силы воинского века, с исторически более поздними чертами эпического властителя, владыки народов.

Мужество, отвага, физическая сила идеального богатыря отражены в эпосе тюркоязычных народов Средней Азии в целом ряде традиционных сравнений героя с хищными животными, обладающими в народном представлении высшей степенью этих боевых качеств. Возможно, что в более далеком прошлом, в процессе выработки поэтического языка, известную роль при возникновении подобных сравнений сыграли и древние тотемистические представления о физическом родстве того или иного племени с звериным родоначальником. Сказители называют Манаса - арстан /лев/, жолборс /тигр/, кабылан - леопард/, сырттан /гиена, в фольклоре нередко - сказочный свирепый пес/. Название героя из сравнения часто превращается в прозвище, вытесняющее собственное имя. Те же сравнения употребляются и для прочих витязей Манаса; они широко распространены и в эпосе казахском и узбекском и тем самым могут быть отнесены к наиболее древнему слою эпической традиции тюркских народов.

К кругу звериных образов относится и эпитет Манаса кök жал /"сивогривый"/. "Сивогривый" в фольклоре назива-

ется волк /"Көк жал буру"/, широко засвидетельствованный в эпосе и фольклоре тюркоязычных народов как тотемное животное. В киргизском народно-поэтическом языке көк-жал - синоним для слова богатырь, храбрец.

Сверхчеловеческая сила богатыря Манаса изображается сказочно-гиперболическими чертами, более обычными в эпосе исторической эпохи для чудовищных врагов - великанов, чем для эпического героя. "Его нос подобен целому холму, а переносица - горному хребту". "Его борода - как колчан для стрел, его усы выступают как острые пики", "огромен рот, подобны обрыву веки", "кости его - литые, голова - самородок, даже самое малое количество его одежды составляет груз одного верблюда". "Как будто он сотворен из сплава золота и серебра, как будто он сотворен из подпорки между небом и землей, как будто он сотворен из луны и солнца, земля выдерживает его мощь только благодаря своей толщине". Такой портрет Манаса является своего рода эпическим "общим местом", которое обычно предпосылается сказителем описанию поединка Манаса с вражеским богатырем или его выезду в бой.

Архаической чертой образа Манаса является также его магическая неуязвимость. "Если поджечь его - огонь не берет, если вздумаешь ранить его - топор тупится, если захочешь застрелить - стрела не проходит, если выстрелишь из пушки - ядро не пробивает". Неуязвимость героя - распространенный мотив в мировом эпосе /Ахилл - в "Илиаде", Зигфрид - в "Нибелунгах", Исфендиар - в "Шах-Наме" и др./.

В среднеазиатском эпосе неуязвимым является Алпамыш. Формула неуязвимости Манаса и Алпамыша почти совпадает, что указывает на ее древность. Ср.в узбекском варианте "Алпамыша": "Если бросить в огонь, он не горит, если ударить мечом, меч не пронзает, если выстрелить из ружья, пуля не берет". В более архаическом алтайском /ойротском/ эпосе сказочная неуязвимость является общим свойством большинства героев, в соответствии с постоянной эпической формулой: "покраснеть - крови ему не дано, умереть - души у него нет".[1] Возможно, что вторая часть этой формулы по своему происхождению связана с широко распространенным у первобытных народов представлением, что герой или его противник /великан, демон и т.п./ являются неуязвимыми, а следовательно - не могут быть убиты, потому что душа их находится вне тела, хранится в каком нибудь потаенном месте, на дне моря или на далеком острове, в ящике или сосуде и т.п.: мотив, хорошо известный из волшебных сказок и сказочного эпоса многих народов,[2] и в частности - неоднократно повторяющийся в алтайском эпосе.

В "Манасе" нет следов этого представления, и неуязвимость героя мотивируется по новому, его боевой одеждой-

---

1/ Ср. Н.Улагашев, "Алтай-Бучаи". Ойротский народный эпос. /Новосибирск 1941/, предисловие Конталева, стр.55, 80 и др.

2/ См. Н.П.Андреев "Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне" /Лгрд.1929/: № 302 Кощеева смерть в яйце /ср. А.Н.Афанасьев "Народные русские сказки", т.1, 1936, №№ 156-158 "Кощей Бессмертный"/.

"непроницаемым для стрел шелковым олпок". Ср.в варианте Радлова: "Его белый панцырь /ак олпок/ не пробьет ружейная пуля, не пронзит пуля винтовки."[1] Поэтому Конурбею удается нанести Манасу смертельную рану, только изменнически застигнув его во время утреннего намаза, который он совершал в рубашке и босой.

Черты грозного властителя и мирового завоевателя перекрывают более древний образ Манаса богатыря, в особенности в таких эпизодах варианта Оросбакова, как "Поминки Кокетея" или "Заговор ханов". В последнем Манас появляется перед мятежными ханами с огромной свитой: впереди шествует двадцать стрелков с самопалами, двадцать лучников, за ними проезжает его 40 дружинников верхом на конях, шесть джесаулов /"есаулов"/ ведут боевого коня Манаса, за которым следует целый табун степных куланов /"четыре тысячи грив"/, шесть джолбарсов /тигров/, чудовищный скованный целыми аджидар /дракон/ и, наконец, сам Манас на троне из червонного золота.[2] Это сказочное великолепие властителя воплощает в сознании сказителя старого времени грозную силу самого народа.

С этим представлением связан и обычай у Оросбакова / в варианте Радлова отсутствующий/ эпитет Манаса-"кэнкор" /буквально - "кровопийца"/, с значением могучего и грозного властителя, победителя врагов в многочисленных кровавых битвах. Слово это предстаавляет народное пересс-

---

1/ Радлов "Манас", гл.II, стр.1232-36.

2/ См. "Манас. Киргизский эпос. Великий поход" /1946/, стр.64.

мысление персидского худованд-гар /"господин", "повелитель"/, ставшего титулом турецкого султана. В форме Кункор, Хункор это распространено у среднеазиатских тюркских народов, как собственное имя или титул эпических властителей, обычно с тем же народным переосмыслением.

Главным боевым товарищем героя, его помощником во всех его подвигах в эпосе /как и в героической сказке/ является богатырский конь. Дружба между богатырем и его конем является одной из самых распространенных тем мирового эпоса /ср. в "Шах-Наме" - Рустем и его конь Рекш, в эпических песнях южных славян - Марко-королевич и Шарац и мн.др./. В степном эпосе, у кочевых и полукочевых народов, роль коня, как спутника и боевого товарища героя, особенно значительна. Так в эпических сказаниях среднеазиатских тюркских народов широкой известностью пользуются Байчибар, богатырский конь Алпамыша, Гират-знаменитый боевой конь Гороглы, Тай-бурул, конь казахского богатыря Кобланды, и мн.др.

Описание красоты коня, похвала коню принадлежит к числу наиболее широко распространенных "общих мест" эпической поэзии тюркских народов. Богатырский конь Манаса Ак-куле описывается такими же сказочно-гиперболическими чертами, как и сам Манас. "Расстояние между его задними ногами подобно ущелью Чакал: под ними может свободно пройти верблюд, нагруженный до предела". "В его ноздрю без труда могут вскарабкаться современные люди со всей их одеждой". "Икры его подобны туловищу быка, бег подобен ветру горных перевалов".

Ак-куле и Манас в варианте Оросбакова рождаются в один день; в то время как Чийирди в тяжелых муках рожает Манаса, ее муж Джакип принимает новорожденного буланого жеребенка Ак-Куле у своей черногривой кобылы. Таким образом симпатическая связь между богатырем и его конем устанавливается с рождения. В тюркском эпосе этот древний мотив имеет широкое распространение. Так в азербайджанской версии "Кёроглы" одновременно рождаются Хасан-бек, сын героя, и предназначенный ему отцом рыжий жеребенок, зачатый от Гирата, богатырского коня Кёроглы. В узбекском народном романе "Рустам-хан" Рустам, его боевой конь и его верные соратники родились в один день. В узбекской версии "Горогли" и герой и его конь Гират молочные братья /младенец Горогли вскормлен кобылой, матерью Гирата/. В ахтынском эпосе, имеющем особо архаический характер, богатырские кони обычно либо рождаются в один день с героем, либо вскормлены одной с ним матерью.1/

Богатырский конь Алмамбета Сарала, согласно версии Караласва, также рождается одновременно с будущим героем от жеребой кобылы, приглянной Конурбаем отцу Алмамбета Алпи-хану. У Оросбакова конь Алмамбета Сарала подарен ему Манасом: "он "единоутробный брат" Ак-Куле, как их хозяева Манас и Алмамбет - названные братья.

Каждый из наиболее известных дружинников Манаса имеет прославленного коня. Конь Семетея Так-Бурыл носит имя, созвучное с названным выше конем казахского богатыря

1/ См. "Алтай-Кучак", предисловие А.Кентелева, стр.40.

Кобланды. Из вражеских богатырей Конурбай имеет у Орозбакова коня Алтара /Карт-Куран - у Караласва/, Джолой - коня Ач-Буден, хапша Оронгу /Урунха-хатун/ выезжает у Валиханова на саврасой кобыле урху и др. Показ этих знаменитых коней происходит на банге во время поминок Кокетея. Приглашение на поминки /у Валиханова/ вместе с героями перечисляет и их коней, приглашаемых хозяином на состязание.[1]

В версии Караласва с Манасом, кроме богатырского коня, связаны чудесный пес Кумайык, рожденный от птицы, сказочные богатырские верблюд Джелмаян /"быстрый как ветер"/ и охотничья птица ак шумкар /белый кречет/. Все эти животные оплакивают смерть героя, охраняют его могилу, а в поэме "Семетей" они приветствуют сына Манаса и служат ему, как своему хозяину, когда он возвращается в Талас.

Подобно другим эпическим героям, Манас владеет прославленным богатырским оружием: мечом /кылыч/, копьем /найза/ и ружьем /келте - старинный вид ружья/. Меч Албаро /элбаре - "булат"/ и ружье Ак-Келте /"белое келте"/ носят собственные имена. В эпосе западноевропейских народов широко отражен древний обычай, по которому мечи прославленных витязей имели собственные имена: ср.во французском эпосе меч Роланда - Дюрандаль, в немецком меч Зигфрида - Бальмунг и мн.др. В условиях эпохи, когда искусство обработки металлов еще не получило широкого рас-

---

1/ См.Валиханов, стр.216-221.

пространения, такие знаменитые мечи особенно ценились, как военная добыча или наследие предков. Добыча богатырского меча, как и коня, необходимых для совершения подвига, рассматривалась как сопряженная с особыми трудностями /мотив, широко распространенный в волшебной сказке/. Изготовление богатырского меча, окруженное сверхними представлениями, часто приписывается в эпических сказаниях особо искусному или волшебному кузнецу. Сказания о таких волшебных кузнецах встречаются у многих народов: ср. в германском эпосе - кузнец Велунд, в "Калевале" - Ильмаринен, сковавший свод небесный и волшебную мельницу Сампо, в "Давиде Сасунском" - старший родич армянских богатырей "дядюшка Кери Торос", "чудесный кузнец, который знал толк во всех породах лошадей", и мн.др. В "Манасе" /версии Радлова/ упоминается искусный кузнец Тёкёр, который исправляет меч и панцирь Манаса перед набегом на хана Джолоя и в награду после победы получает дочерей Джолоя, старшую для себя, младшую для своего сына[1]. В версии Орозбекова упоминается "искусный мастер из Мисра /Египта/, который с помощью "волшебного искусства" выковал меч и изготовил копье Манаса. Описание этого оружия и сказочных условий его изготовления являются также типичным "общим местом" киргизского эпоса.

Интересно отметить, что к традиционному оружию Манаса принадлежит и его ак-келте, огнестрельное оружие старинного образца /"самопал"/. Огнестрельное оружие появляется в Средней Азии во второй половине XIУ в., во времена

1/ См. Радлов "Манас", гл.1У, стр.1620 слод.

Тимура оно еще не играет определяющей роли. В среднеазиатском эпосе оно входит в XУ-XУП вв., в период, когда сформировался "Алпамыш" в его позднейшей, узбекско-кунградской редакции /XУ1 в./, и богатырские песни казахско-ногайского цикла /XУ-XУ1 вв./. Пушки, такие упоминаемые в эпосе, при своем первом появлении насчитывались единицами и служили скорее для устрашения, чем для уничтожения врага. При этом каждый выстрел угрожал не только врагу, но и своим наводчикам. Такие первые пушки, огромные по своим размерам /ср."Царь-пушка" в Москве/ окружены в киргизском эпосе суеверными представлениями. У Дубурохана - огромная пушка Замбирак /замбирак - по персидски "пушка"/, у Манаса - такая же пушка Абасл, которая подает сигнал выступления в поход.

В варианте Орозбакова меч Албаро и ружье Ак-келте Манасу вручает старец Ак-Ходжа при обращении героя в мусульманство. У Караласва святой старец, встреченный Манасом в пути вручает ему 6 мечей. Один из них, Зулпикер, Манас оставляет себе, другие пять отдает своим соратникам. Зулпикор - имя меча халифа Али, величайшего витязя мусульманства. Таким образом, мусульманская религиозная легенда, превратившая Манаса в борца против язычников, освятила и оружие киргизского героя, оттеснив более древние сказочные представления, связанные с добычей богатырского меча.

Манаса окружает его легендарная дружина - кырк чоро /"сорок дружинников"/. Сорок - эпическое число в фольклоре тюркских народов. Уже в средневековом огузском

эпосе "Китаби Коркуд" мы имеем /например, в "Рассказе о Богач-джане"/ - 40 джигитов Дерсе-хана, 40 джигитов его сына Богач- Джана, 40 девушек - прислужниц ханши, 40 злых советников хана и т.п. У Ляпамиша, как позднее у Кёроглы, 40 джигитов; жена Кёроглы, Ага- Ынуо-пери, имеет 40 прислужниц пери, и т.п.

По рассказу Оразбакова, дружинники собираются вокруг пятнадцатилетнего Манаса после первых его столкновений с калмыками. Они же провозглашают Манаса ханом, "поднимают его на белой кошме" /по старинному обычаю тюркских народов/, сперва как своего военного вождя, потом, на собрании аксакалов, как повелителя всего народа. Некоторые, наиболее прославленные витязи присоединяются к дружине Манаса в дальнейшем течении эпического повествования /Бакай, Чубак, Алмамбет и его друг Маджик и др./.

Отношения между Манасом и его дружинниками изображаются в эпосе в формах, характерных для периода "военной демократии". Манас и его дружинники связаны боевым товариществом, взаимной верностью. Дружина является главной военной силой хана и опорой его власти. В большинстве своем дружинники Манаса - не знатные или вожди родов и племен, а молодые воины, выделившиеся из народа своей силой, мужеством и боевым опытом, для которых, в условиях воинского быта, война становится основной профессией, давшей храброму добычу и славу. К Манасу, говорится в варианте Кёрелаева, много бойцов приезжало без жен, он одарил их женами-красавицами, бойцы приезжали без шуб, он давал им шуби с

золотым воротниками; без конца прибывали воины, он сзывал их на аркарометых, медлокопытых тулпаров.[1]

К традиционным элементам киргизского эпоса относится перечисление имен всех 40 дружинников Манаса. По свидетельству Радлова, сказители считали особым искусством ввести в свой рассказ такой полный каталог имен кирк чоро.[2] Имена эти далеко не полностью совпадают у разных сказителей /напр. в записях Радлова и у Оробакова/ и, следовательно, не все закреплены традицией. Многие из них сопровождаются указанием на происхождение данного лица, именем отца или рода, иногда краткой традиционной характеристикой. Тюрюн и Тайлак, Каман и Жаманур у Радлова - следопыты, которые "темной ночью не потеряют след лисицы", Кара-Тёлёк и Кара-Бадын /у Оробакова - Кара-Тёлёк и Агибай/ - прорицатели и гадальщики по бараньей лопатке /старинный способ гадания у киргизов/; Жаксан-ырчи и ырчы-уул - дружинники-певцы, из которых первый "одно украшение юрты мог воспевать пол дня". Кыргыл - предводитель дружины, вместе с Бакаем - старшим из дружинников Манаса /согласно Оробакову, в эпизоде сватовства Манаса им обоим 34-35 лет/. Тоо-Баймат /"юноша Баймат" - самый молодой, последний /а по Радлову -"лучший из всех"/; его обязанность - варить чай в походном котле для Манаса.

1/ См. "Манас". Киргизский эпос. Великий поход" /1946/, стр. 220 /"Рассказ Алмамбета"/.

2/ W. Radloff. "Proben " т.У, /предисловие к немецкому переводу, стр.XIX. Примеры см.у Радлова, "Манас", кн.II, ст.1136-1172; кн. III, ст.295-314, 1705-1738, кн. IУ, ст.351-374; 1485-1522; кн.У, стр.1460-1518.

В широких, богатых персонажами эпических полотнах Орозбакова некоторые из рядовых дружинников Манаса, имена которых имеют прочную традицию, получают небольшую сюжетную роль. Таз-Балмат при перекличке киргизского войска во время "великого похода" недосчитывается в своем десятке одного воина, забыв, что Манас приписан к его отряду. Ирчи-уул, дружинник Чубака, за игрой в орде затевает ссору с Боз-уулом, дружинником Алмамбета, которая переходит в столкновение между Вождями. Остроглаз Шуту /в варианте Караласва/ отправляется как посол Кёнкей к ее сестре Ак-Ирчек, а во II части "Великого Похода" - к Манасу, теряя порученное ему письмо в стычке с китайцем Комурбаем. Вероятно, не все эти эпизоды традиционны: в иных случаях традиционное имя и привычный образ могли быть использованы певцом-импровизатором в новой эпизодической сцене, созданной им самим или его непосредственным учителем. Однако, материал вариантов пока еще недостаточен, чтобы можно было судить об этом вполне определенно. Эпизод, например, о нанесении Манасом оскорбления урбе, засвидетельствован во всех записях: аналогично построенный другой эпизод такого же столкновения между Алмамбетом и Сереком записан только Радловым, но мог иметь и более широкую известность.

На этом общем фоне дружины Манаса выделяется его ближайшие и наиболее популярные советники - Алмамбет, Бакай, Чубак, Сиргак, Алжибай. Они по разному участвуют в основном составе эпопеи, являются, вместе с Манасом или без него,

героями большинства поединков с вражескими богатырями и массовых битв, имеет каждый вполне определенное лицо, а некоторые и самостоятельную эпическую биографию, в рамках которой они являются главными действующими лицами. Вариант Караласва в особенности имеет тенденцию к такому биографическому обособлению и расширению истории каждого из указанных героев, его судьбы до встречи с Манасом и его "приходе" к Манасу.

Алмамбет - первый из богатырей Манаса и его названный брат, китайский царевич, отрекшийся от ханчества ради "истинной веры" и проводник Манаса в его походе на Бейджин, имеет наиболее сложную и законченную биографию, которая должна быть рассмотрена в дальнейшем в связи с более поздними мусульманскими наслоениями в киргизском эпосе.

Бакай - двоюродный брат Манаса, сын его дяди Бая, самый верный из соратников своего хана, выступает в роли мудрого советника Манаса, примирителя распрей, вождя в походе - место, которое он без злобы уступает более молодому и опытному в военных делах Алмамбету; после смерти Манаса он остается единственным защитником его вдовы Каныкей, опекуном и наставником малолетнего Семетея, который с его помощью возвратится на отеческий престол в Талас.

Бакай напоминает аналогичные фигуры старых витязей, мудрых советников эпического властителя, как седовласый

Нестор в "Илиаде", герцог Нэм Баварский в средневековом французском эпосе, Алтан Цедди в "Джангариаде" или старший родич армянских богатырей, дядька Кери-Торос в "Давиде Сасунском".

Нойгут Чубак, сын Ак-Белты, сосед отца Манаса Джакыпа в его изгнании на Алтае, удалой и задорный, всегда готовый с оружием в руках отстаивать свою честь и свои права вождя племени, кроме столкновения с Алмамбетом выступает в самостоятельной роли во многих эпизодах "Великого похода". Караласв рассказывает подробную биографию Чубака, предшествующую его "приходу" к Манасу, с традиционными мотивами долгой бездетности родителей, чудесного происхождения младенца, найденного в пустыне привязанным к спине верблюда, наречения его именем пророком Хызром, бурного детства, ранних боевых подвигов, получения коня и оружия из рук покровителя-святого. Биография эта вряд ли имеет большую давность, варьирует типические эпизоды биографии молодого Манаса и Алмамбета и в сильной степени окрашена мусульманскими представлениями. Чудесный сон предрекает молодому Чубаку его встречу и дружбу с Манасом, которому он добровольно подчиняется. Самостоятельным сюжетом в варианте Караласва является поход Чубака на Бухару, своего рода неудачная брачная поездка, в которой молодой герой терпит поражение в поединке с воинственной Каныкей, чтобы затем посвататься ее своему другу Манасу.

Большой симпатией сказителей пользуется молодой Сыргак, отважный и могучий богатырь, отправляющийся на раз-

ведку Бейджина вдвоем с Алмамбетом, его боевой товарищ во всех трепещущих эпизодах "великого похода" - угоне табунов Конурбая, битве с одноглазым Мангуном и с великаном Мады-ханом и в героическом отступлении киргизских богатырей от Бейджина. В записях Радлова есть намеки на неизвестные нам эпизоды биографии Сыргака - поединок с Тёптюкон и паломничество в Мекку. У Караласва Сыргак -родственник Манаса, как и Бакай - его двоюродный брат, сын его дяди Улак-хана /имя, не встречающееся в версии Орозбакова/. Бакай и Сыргак - единственные родичи Манаса, всегда сохраняющие верность своему хану.

Менее заметную роль играет в эпосе "красноречивый" Аджибай. Кроме боевых подвигов он, в соответствии со своим прозвищем, выполняет трудные дипломатические поручения, ведет переговоры с послами восставших ханов и вместе с "острым на слово" урбй отправляется в Бейджин послом к Эсенк-хану с опасной миссией, которую он с честью завершает: добиться полной капитуляции побежденных китайцев. У Караласва приход Аджибая к Манасу /вместе с несколькими другими витязями/ также является самостоятельно развитым эпизодом.

Совершенно иное положение среди соратников Манаса занимают участники "Заговора ханов": катаганец Кошой, казах Кёкчё, карагасец Джангирчи, кипчак Тёптюк, Музбурчак /у Радлова - афганский хан, у Караласва - туркмен/ и некоторые другие. Все они, как уже было сказано, не дружинники Манаса, а вожди племен, самостоятельные ханы, ставшие вас-

самами Манаса. В варианте Радлова Манас вспоминает о своих победах над Кёкчё, Джамгырчи, Тёнтюком и Муабурчаком.[1] В одной из записей Радлова изображается в сюжетном отношении мало мотивированный поединок Манаса с Кёкчё[2]. У Оразбакова первая встреча Конея с Манасом также начинается с поединка, в котором они оказываются равными по силе. Все это указывает, что существовали эпические предания, связанные с этими именами, о распрях с соседними кочевыми племенами /казаками, ойратами и др./, на которые мимоходом указывается и в рассказе о рождении Манаса /в варианте Радлова/.[3]

В дальнейшем, в соответствии с идеологией патриархально-родового общества, сказители пытаются соединить этих вассальных ханов с их сюзереном Манасом узами родства или свойства по женской линии. У Оразбакова Эштекбатыр, отец Джамгырчи, является дядей по матери Манаса и Кёкчё. У Караласва сестрами являются Каникей, жена Манаса, и Арууке, жена Алмамбета, а также Ак-Ёркеч, младшая жена Кёкчё, заподозренная этим последним в любовных связях с Алмамбетом. В сцене прощания Ак-Ёркеч с Алмамбетом, выясняется, что Ак-Ёркеч, как и ее сестра Каникей, одна из 12-ти дочерей бухарского хана Кара-хана /ими, заменившее традиционное па-Темира/. В числе их, кроме Арууке, будущей жены Алмамбета, называются Джамалчаг, жена Джамгырчи, и Бурулкан, жена Муабурчака.[4]

1/ Радлов "Манас", гл.II, стр.524-539; гл.V.стр.588 след.
2/ Радлов, "Манас", гл.II, стр.89 след.
3/ Радлов, "Манас", гл.1, стр.26-38.
4/ См."Манас. Великий поход" /1946/,стр.220-221.

Таким образом все покоренные Манасом ханы в конце концов оказываются его сородичами.

Как мы увидим дальше, большинство вассальных ханов Манаса /Конои, Кёкче, Тёнтюк, Джамгырчи/ вошли в эпос со стороны, как герои самостоятельных исторических или сказочных преданий, распространенных среди большинства народов Средней Азии. В эпосе они отчасти являются носителями вполне самостоятельных сюжетных эпизодов /например, роль Кёкче в истории Алмамбета/, или сказитель намекает на известные ему другие предания, связанные с их именами и не вошедшие в состав эпопеи /сказочные приключения Тёнтюка в подземном царстве/.

Наиболее яркой и популярной фигурой в этой группе является катаганский хан Конои /Эр-Конои/, семидесятилетний старец, "отец народа", "подобный воротнику на халате и подкове на ноге лошади" /Валиханов/. Конои - прославленный богатырь и знаменитый борец. Одолеть его в поединке не может сам Манас; в борьбе он побеждает чудовищного калмыцкого великана Джолоя. Борьба Конои с Джолоем на поминках Кокетея является одним из наиболее известных эпизодов эпоса, широко засвидетельствованных в традиции. Другой традиционный эпизод, в котором выступает Конои - его поход на Кашгар. У Сорокбакова этот поход входит в первый казат Манаса и совершается при его участии. Конои является здесь волшебником, он побеждает вражеских чудесников - эяров силами колдовства, несколько раз меняет свой облик и проникает невидимым

во врагеских город. Однако связь с походом Манаса в Восточный Туркестан, является, повидимому, результатом поздней циклизации: вариант Караласва, как и попутные упоминания у Валиханова и Радлова, делают Конои единственным героем этого похода, предпринятого им /как и у Оросбакова/, для освобождения молодого Билерика, сына Джахантира-ходжи. Ср.у Валиханова: "Когда неверный хан Нескара" /т.е.Нескара/ "в темницу заточил Джангирова сына Белерека, что был родом из ходжей, когда никто из мусульман не отважился восстать - он, храбрый Конои, храбростью устрашил и освободил этого ходжу".[1]

Эпизод с Билериком у Оросбакова содержит широко распространенный в эпосе и народном романе более позднего времени романический мотив - освобождения пленного витязя полюбившей его чужеземной красавицей, дочерью языческого хана /или тюремщика/. Мы встречаем этот мотив уже в "Алпамыше", в его среднеазиатском огузском прототипе "Бамси-Беврек" /в "Китаби Коркуд"/ и в более поздних произведениях тюркского эпоса, связанных по сюжету с "Алпамышем" /хорезмско-туркменская воинская повесть "Юсуф и Ахмед" и близкая к ней по содержанию киргизская поэма "Джаныш и Баяныш"/.[2] Мусульманское имя возлюбленной Билерика Нуркузар уже само по себе указывает на позднейшее происхождение этого романического эпизода.

А.А.Валитова[3] сравнивает рассказ о Джахантире и Билерике в "Манасе" с историческим восстанием Джахангира-ходжи

1/ Валиханов, стр.217

2/ См.Магрупи "Юсуп и Ахмед", перев.с туркменского Г.Ненгели, Ашхабад 1944.-"Джаныш и Баяныш" /на киргизском языке/ Фрунзе 1939.

3/ См. А.А.Валитова, Джаангер-ходжа в эпосе и истории, сб. Манас, Материалы, I, 1944г.

против китайцев /1822-1828/ и его походом в Восточный Туркестан, увенчавшимся временным захватом повстанцами, тюрками мусульманами, городов Кашгара, Яркенда и Хотана. Среди мусульман Средней Азии, принимавших участие в "Священной войне" Джахангира-ходжи против "неверных" китайцев, первое место занимали киргизы [1]. Весьма вероятно, что мусульманское имя Джахангира-ходжи было действительно подсказано киргизским сказителям этим историческим событием недавнего прошлого. Однако давность эпической традиции о походе Кожоя на Кашгар, засвидетельствованной уже в середине XIX в., и сказочный характер подвигов этого героя в варианте Оросбакова дают основание предполагать, что эти новые имена и связанные с ними романтические мотивы проникли в более древнее, уже сложившееся сказание.

Сказители знали о Кожое ряд других преданий, не вошедших в цикл "Манаса". Намеки на эти предания неоднократно повторяются в разных вариантах эпопеи: Кожой "открыл запертые двери в рай и открыл остановившийся путь в Турфан", "остановившемуся базару дал новую жизнь" /Валиханов/ [2]. "Это он, Эр Кожой, оживил забытый Кашгар, это он, Эр Кожой, восстановил жизнь разоренных базаров" /Оросбаков/. В версии Радлова, по случаю борьбы с Джолоем, Кожой вспоминает другие свои победы в борьбе с знаменитыми противниками - "с Тоо - Тентенером на празднестве Кенджеке", "с Ала-Бёрю в долине Казылык на берегу

1/ См. Валиханов, Сочинения, стр. 127-132.

2/ Сочинения, стр. 217.

реки Кар-Кебас" и др.[1] Все это косвенным образом указывает на позднейшее включение в эпопею героя, когда то являвшегося центром самостоятельных, ныне почти забытых эпических преданий.

В изображении вражеских богатырей "язычников" типично для всех вариантов эпоса является гротескная гиперболизация. Огромные, неуклюжие, нечеловеческих размеров, силы и прожорливости, они кажутся непобедимыми в силу своего страшного физического превосходства. У одного из таких богатырей-великанов "голова равнялась целому аласчику /походная юрта/, брови были подобны лежащей собаке, волосы торчали как связка арканов." У другого "глазницы были подобны глубоким рвам, брови - мохнатой шкуре, ноздри - пещерам, ушные отверстия - ямам, вырытым для конницы". "Грудь его подобна холму, на плечах его может поместиться 50 человек, мясом одних только его ног можно досыта накормить 50 волков". Богатырь вооружен луком длиной в 30 аршин, копьем /копьем/ - длиной в 700 аршин, палицей - весом в 600 батманов". "Кинжал его тяжестью в 5 батманов с такой силой косил ряды врагов, что целые войска оставались бездыханными на полях сражения."[2]

Аналогичными гиперболическими чертами изображаются вражеские богатыри-великаны /обычно калмыки/ и в эпосе других среднеазиатских тюркских народов - например, в узбекском "Алпамыше" /в знаменитой сцене борьбы/, в казахских богатырских песнях. Сходным образом изображаются

1/ Радлов "Манас", тл.1У, стр.1010-1020; ср:там-же, тм.П, стр.394-397; тм.1У, стр.27-30 и др.

2/ Переводы А.А.Валитовой

враги иноплеменники и в эпосе европейских народов: в русских былинах - татарские богатыри-великаны /Калин-царь, Идолище поганое, Батыга и др./, в старофранцузских эпических поэмах - великаны-сарацины и т.п. Мужественный герой побеждает чудовищного врага несмотря на видимость его физического превосходства, как библейский юноша Давид - великана Голиафа. Само библейское сказание может служить примером такого контраста, характерного для фольклора - не только для эпоса, но и для сказки. Возможно, что в основе этого контраста когда то лежало мифологическое представление о врагах богатыря как о "силе нездешней", с которой сражается сказочный герой. Для тюркского героического эпоса это гипотеза подтверждается чудовищными образами врагов-великанов в архаическом сказочном эпосе тюркоязычных народов Сибири. Традиционные черты такой сказочной гиперболизации могли быть перенесены впоследствие на исторических врагов среднеазиатских тюркских народов и прежде всего - на "язычников" калмыков.

В соответствии с реальными обычаями старины битве в "Манасе" начинается поединками между наиболее именитыми бойцами вражеских войск, "батирами" и "балбанами", на которых сосредоточен основной интерес батальных сцен. Богатыри бросают друг другу вызов, стараются запугать друг друга похвальбой, рассказом о своих подвигах и поношением противника. После ряда поединков следует массовая битва, которая изображается стереотипными

чертами эпического клише: "Ак-балта /алебарда/ стукала по голове чака-чак, палаш по богатырской груди така-так, кинжал по спине чака-чак, пущенные выстрелы тапа-тап, удары дубины куп-куп..." "Красная кровь растекалась по всему телу, руки покрылись мозолями, мышцы сжались, потеряв силу, ослабли как надломленные крылья. Все чапаны порвались, все недоимки сапог продрались, передник луки седел раскромсались, губы у всехпотрескались, сосцы грудей были искалоты, проколотые глаза вытекали, валялись обрубки рук и ног..." и т.д.

Битва заканчивается бегством врага. Тысячи врагов уничтожаются, остальные сдаются в плен. Побежденные изъявляют покорность, принимают Ислам, посылают победителям заложников - ханских дочерей с их прислужницами, богатые дары - золото и драгоценности. Происходит дележ добычи между вождем и его дружинниками, за которым следует "сорокадневный пир".

Согласно наблюдению Ракматуллина, у Оразбакова "походы"Манаса" имеют характер грандиозных сражений многочисленных армий, тогда как у Караласва Манас выступает только со своей дружиной "кырк чоро" /"сорок соратников"/. В этом смысле Караласв архаичнее; однако и у Оразбакова, несмотря на его любовь к тщательно отмеченным в начале каждого похода сотням тысяч и даже миллионам участников, эти "армии" играют роль статистов, и весь интерес боевых сцен фактически сосредоточен на поединках знаменитых богатырей. Даже "Великий поход", несмотря на движение огромного войска

киргизов, целого вооруженного народа, состоит из ряда таких боевых эпизодов: разведки Алмамбета и Сыргака, их боя с одноглазым великаном Малгуном, захват Алмамбетом замка великанши Каныкей, угон табунов Конурбая, заканчивающийся поединком этого последнего с Алмамбетом; затем Чубак и Манас приходят на выручку Алмамбету и Сыргаку, и последующая общая битва под стенами Бейджина опять распадается на ряд эффектных поединков: преследование Манасом бегущего Конурбая, бой с одноглазым великаном Мади-ханом, гибель Жолоя в столкновении с Бакаем и Чубаком и взятие Чубаком в плен великана Кескери, после чего следует сдача Бейджина. При отступлении от Бейджина /вторая часть "Великого Похода по версии Караалаева/ защитниками арьергарда являются трое киргизских богатырей - Алмамбет, Чубак и Сыргак, а победу китайцев решает волшебная стрелок Коджалдеш, поражающий своими меткими выстрелами поочередно всех витязей Манаса.

Суровый воинский дух киргизской эпопеи соответствует историческому прошлому киргизского народа, вынужденного в течение ряда столетий в тяжелой борьбе отстаивать свою независимость против более сильных соседей. Героические образы Манаса и его верных соратников воплощают в себе любовь киргиза к своей родине и преданность народу. Глубоким чувством, подлинным пафосом проникнута торжественная клятва, которую произносят Манас и его дружинники перед выступлением в первый поход:

-"Всякого, кто изменит клятве, пусть покарает светлый лик дня! Пусть его отвергнет мохнатая грудь земли ,

пусть проклянут его мужи, высокие духи! Пусть его накажут сорок чиятенов /святых/ и покровитель Каныл /дух покровитель горных животных/! Пусть проклятье ляжет на его племя и род, пусть его потомство погибнет без остатка!" /пер. Н.А. Баялитовой/

Вот почему и в недавнее время, в суровые и славные дни Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков, рассказ о легендарных битвах Манаса и Кыргыза звучал боевым призывом, вдохновляя героических сынов киргизского народа на новые боевые подвиги.

4.

Вопрос о времени и условиях сложения киргизской эпопеи "Манас" и о тех исторических событиях и лицах, которые в ней отразились, представляет большую сложность. Как всякий древний народный эпос, "Манас", веками передававшийся в устном исполнении сказителей-импровизаторов, способных в рамках традиции на творчество, переосмысляя неоднократно, и новые исторические события, имена, идеи и образы наслаивался на старое, охватывает почти двухтысячелетнюю историю киргизского народа.

Как известно, киргизы являются одним из древнейших тюркских народов, упоминаемых в письменных источниках. Первое по времени известие о киргизах у китайских историков акад.В.В.Бартольд относит к 201 г.до н.э.[1] О киргизском кочевом обществе в верховьях Енисея /в северо-запад-

---

1/ См.акад. В.В.Бартольд "Киргизы. Исторический очерк", изд. 2-ое /Фрунзе 1943/, стр.14.

ной Монголии и Южной Сибири/ неоднократно говорят китайские исторические хроники У1-1Х вв. Многочисленные упоминания о киргизах заключают древнейшие памятники тюркской письменности, орхоно-енисейские рунические надписи У1-1Х вв., связанные с историей т.н. "тюркского каганата", нашего об"единения кочевых племен в предгорьях Алтая и в северо-западной Монголии. Часть этих надписей оставлена самими киргизами. 1/

Середина 1Х в. была временем пиковой военной экспансии киргизского кочевого государства - вооружье с китайцами и с соседними тюркскими же племенами, в особенности - с уйгурами, временем "киргизского великодержавия" /по выражению В.В.Бартольда/. 2/ Именно к этой эпохе относят исследователи киргизского эпоса Мухтар Ауэзов и проф.А.Н.Бернштам зарождение "Манаса" и прежде всего центрального образа героя, как об"единителя киргизского народа и могучего полководца-завоевателя. Согласно гипотезе проф. А.Н.Бернштама, древнейшей частью эпопеи является "Великий поход", в основе которого лежат исторические воспоминания о блестящей победе, одержанной киргизами над уйгурами в районе рек Орхон и Толы /в северо-западной Монголии/ и положившей конец уйгурскому государству /по китайским источникам - в 840 г./. С этим событием проф.Бернштам связывает киргизский надгробный памятник на урочище Судже, воздвигнутый в честь

1/ См.А.Н.Бернштам "Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок У1-УШ веков" /Москва 1946/.

2/ В.В.Бартольд. "Киргизы", стр.28 след.

Ятлакара - киргизского хана, победителя уйгуров, согласно толкованию надписи, предложенному проф.Бернштамом /"В земли уйгуров отец Ятлакар-хан пришел..."/. Если Ятлакар действительно может быть отождествлен с киргизским ханом, уничтожившим государство уйгуров в 840 г., то дата его смерти, по китайским источникам, определяется 847 г.[1]

Проф.Бернштам считает победителя уйгуров хана Ятлакара историческим прототипом Манаса."Великий поход" Манаса на Бейджин это поход Ятлакара против уйгуров, столице которых Бэй-бальк в китайских источниках называется Бейтин. Впоследствии сказители переосмыслили Бейтин как Бейджин. В падении уйгурского царства в середине IX века большую роль сыграли внутренние междоусобицы - восстание против уйгурского хагана, поднятое одним уйгуром, по имени Гэлэ Бэге /738/, которым управлял киргизом отвлеку уйгурского хагана. По мнению проф.Бернштама, образ Алмамбета имеет историческим прототипом этого Гэлэ Бэге. Во время битвы с киргизами уйгурский хаган Чжао-Синь был убит, а его жена Тайхе, по происхождению - китайская царевна, попала в плен к победителям. А.Н.Бернштам находит в "Манасе" отражение и этого исторического эпизода, упоминаемого в тех же китайских источниках, - в образе китайской царевны Бурулче, дочери Эсен-хана, тайной мусульманки и возлюбленной Алмамбета, которая достается победителям и становится женой Алмамбета после победы Манаса над китайцами. Ряд других собственных имен, географических и племенных наз-

---

1/ См. А.Н.Бернштам "Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок", стр.52.- Он же "Историческое прошлое киргизского народа" /Фрунзе 1942/,стр.10-11.

вании и отдельных мотивов "Манаса" также об"ясняется проф.Бернштамом на общей основе его гипотезы как древнейшие напластования эпоса, сложившиеся еще на первоначальной родине киргизов в верховьях Енисея в эпоху хана Яглакара.[1]

Какова бы не была степень убедительности гипотезы А. Н.Бернштама в ее отдельных отождествлениях исторических имен и событий, есть все основания думать, что эпоха героического под"ема и первого расцвета государственного об"единения кочевых киргизских племен отразилась в творческой памяти народа эпическими песнями, влившимися в многообразно переоформленном виде в "океан поэзии" киргизской эпопеи. Трудность заключается, однако, именно в выделении точных исторических "прототипов" для событий и героев эпического сказания. Последующие столетия бурной исторической жизни киргизского народа изгладили из его эпических преданий почти всякое воспоминание об этом древнейшем периоде киргизской истории, выдвинув новые, более актуальные темы всенародного, исторического значения и новых эпических героев, связанных с этими темами.

Основная историческая тема эпопеи "Манас" - борьба киргизов с калмыками и китайцами, их вековыми поработителями. Герой Манас, об"единив под своей властью разрозненные, непокоренные чужеземцами киргизские племена, воодушевляет их на борьбу против этих врагов и, после победы над отдельными калмыцкими и китайскими ханами и их сорв-

---

1/ См.А.Н.Бернштам "Эпоха возникновения великого киргизского героического эпоса Манас" /сборн."Киргизия", Фрунзе 1946, стр.139-149/. Он же "Историческое прошлое киргизского народа", стр.11-13.

никами, поднимает свой народ на "великий поход" против Китая, которому, по представлению эпоса, подчинены и калмыцкие ханы, как вассальные князья "великого хакана", китайского императора. При этом Бейджин в изображении сказителей - не резиденция давно забытого уйгурского хакана Бешбалик /или Бештин/, а многолюдная, пышная столица великого китайского государства, гегемона древнего Востока, непобедимого и страшного своими неисчерпаемыми богатствами и человеческими рессурсами, своей многовековой культурой и тайной волшебной "мудростью". Отметим, что Бейджин /в европейском произношении Бейпин и Пекин/, древняя столица Китая, только с 1425 г. получил это название с значением "северная столица" /в противоположность "южной столице" Нанкину/, под которым его знает киргизская эпопея.

Исторический фон борьбы киргизов с калмыками мог сложиться только в период от начала XУ в., когда на развалинах монгольской империи Чингисхана образовалось новое могущественное государство ойратов /калмыков/, и до середины XУШ в., когда остатки этого государства были уничтожены китайцами /1758/. За этот период Семиречье, область Иссык-Куля и Тянь-Шаня и Средняя Азия до Ташкента, Сайрама и Туркестана неоднократно подвергались опустошительным набегам калмыков. 1/ Как сообщает В.В.Бартольд, мусульманские исторические источники XУ1-XУП вв. считают язычников "калмыков" самыми могущественными врагами среднеазиатских

1/ См. акад. В.В.Бартольд "Очерк истории Семиречья", изд.2-е /Фрунзе 1943/, стр.72 след., 82 след.

мусульман.[1] Борьба с калмыками в сознании тюрков-мусульман приобретает характер "священной войны" против "неверных" /"газават"/. Сын хана Мухаммед-Хайдара Рашид, совершивший /в союзе с киргизами/ ряд удачных походов против калмыков /1522-1524/ получил за это почетное прозвище "Гази" /"воитель против неверных"/.[2] В XVII в. калмыки захватили Семиречье, и ставка калмыцкого хана находилась на реке Или. После уничтожения калмыцкого государства китайцами, во второй половине XVIII в., казахи и киргизы вернулись в Семиречье", "где номинально некоторое время считались китайскими подданными", хотя "фактически были совершенно независимыми".[3]

Исторические события калмыцких войн XV-XVI вв. связаны с окончательным распадом монгольской империи Чингизидов и ее ближайших наследников, Золотой Орды - на Западе и государства Тимуридов - на Востоке, и с образованием на их развалинах новых племенных и государственных об"единений тогда еще кочевых тюркоязычных народов, расположенных на широких степных пространствах "кипчакских степей" /Дешт-и-Кипчак/ от Волги и Урала до Иссык-Куля и Тянь-Шаня /ногайцев, казахов, каракалпаков, узбеков и киргизов/. Для всех упомянутых народов эта эпоха связана с пробуждением исторического и государственного сознания, отраженного в эпическом творчес-

---

1/ См. в "Энциклопедии Ислама", т.II, ст.В.В.Бартольда "Калмыки".
2/ В.В.Бартольд "Очерк истории Семиречья", стр.80.
3/ Бартольд "История Семиречья", стр.88.

ве. В эпосе тюркских народов Средней Азии главными врагами, с которыми борются тюркские богатыри, всегда являются "язычники" калмыки. Так обстоит дело, например, в казахских богатырских песнях/"Кобланди-батыр", поэмы казахско-ногайского цикла - "Муса-хан", "Урак и Мамай"/, в поздней-шей узбекской редакции "Алпамиша" /XУ1 в./ и др. С другой стороны, времена политического могущества кочевого государства ойратов в XУ в. отразились и в воспоминаниях калмыцкого народа в эпическом цикле "Джангариада".

Согласно сообщению исторических источников, в первой половине XУ1 в. киргизы, живущие в области озера Иссык-Куль и западного Тянь-Шаня, то находятся в подчинении у калмыков и монгольских ханов Могулистана, то восстают против них и ведут с ними ожесточенную борьбу. Мусульманские историки XУ1-XУП вв. "характеризуют киргиз как воинственный и сильный народ, стойко сопротивлявшийся попыткам соседей их закабалить." 1/ Киргизов называют "дикими львами Могулистана". 2/ "Они - не кафиры и не мусульмане, живут на крутых горах, в которых есть проходы. Если какой нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи вглубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел". 3/ Киргизы совершают набеги на Семиречье, под предводительством своего вождя, носящего мусульманское имя Мухаммед, доходят до Ташкента, Сайрана и Туркестана /1514/.

1/ А.Н.Бернштам "Историческое прошлое киргизского народа", стр.23.

2/ В.В. Бартольд "Киргизы", стр.51.

3/ В.В.Бартольд "История Семиречья", стр.83 /из исторического труда... 1582 г./.

с другой стороны - до Кашгара и Яркенда в Восточном Туркестане /1558 и 1680-ые гг.[1] "Киргизы держат под своим контролем Северную часть Восточного Туркестана и Фергану, особенно в первой половине XVII века". "В XVII веке киргизы распространили свою власть на Памир, заняв в 1635 г. Каратегин и Гиссар, затем дошли даже до Балха, т.е. Афганистана, где и поныне имеются группы киргизской народности"[2].

Так создаются исторические предпосылки для "походов" Манаса и раздвигаются географические рамки этих походов. По справедливому замечанию проф.Бернштама "этот период в истории киргиз также нашел свое отражение в эпосе "Манаса", более того, в подробном эпическом изложении событий XVII века едва мерцают свидетельства первого героического периода, относящегося к IX-X вв.н.э."[3].

Таким образом, период "калмыцких войн", в особенности XVI-XVII вв., явился для сложения "Манаса" определяющим.

Все это время казахи являются ближайшими соседями киргизов и в ряде случаев соседниками и соучастниками их походов. В первой половине XVI в., при казахских ханах Тахире и Хакк-Назаре, киргизы и казахи находятся в тесном союзе, в составе политического об"единения одного кочевого государства. После гибели Хакк-Назара /в 1540-их

1/ В.В.Бартольд "Киргизы", стр.54-57
2/ А.Н.Бернштам "Историч.прошлое киргизского народа" стр. 23.
3/ А.Н.Бернштам, там же, стр.23.

годах/ эти народы больше уже не об"единялись под властью одного хана.[1] Однако период их тесного общения засвидетельствован в "Манасе" рядом исторических по своему происхождению имен героев казахско-ногайского эпоса, время сложения которого относится ко второй половине XУ-XУI вв. Герои эти принадлежат к числу вассальных ханов, которые, согласно киргизскому эпосу возглавляют самостоятельные племена и при разных обстоятельствах покорились Манасу - иными словами вошли в его цикл со стороны.

Так Эр-Кёкчё в "Манасе" - казахский хан, сын Алдар-хана и потомок Камбар-хана, побежденный Манасом в поединке. В казахском эпосе богатырь Эр-Кёкше, сын Камбар-хана; он погибает в битве с каракипчаком Кобланды-батыром.[2] Валиханов отождествляет казахского богатыря Эр-Кёкше с упоминаемым в Никоновской летописи татарским богатырем Когчой, убитым в 1428 г. во время набега хана Кудайда на г. Одоев /"Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою/".[3]

Любопытно отметить, что другом и соратником Эр-Кёкше в записи Радлова является богатырь Манама, конь которого носит имя Ак-Кула.[4] Совпадение с именем Манаса очевидно и является свидетельством обратного воздействия киргизского эпоса на казахский.

Месть за убитого Эр-Кекше, согласно казахским эпи-

1/ В.В.Бартольд "Киргизы", стр.54-56
2/ См. В.В.Радлов "Образцы народной литературы тюркских племен", ч.Ш /Изг.1870/:"Ер Кёкше" /стр.88-101/. -Г.Н.Потанин "Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки" /"Живая старина", 1916, вып.I-Ш, стр.47-198/: "Ир-Гошша и его сын Ир-Госай" /стр.80-85; "Таласлай-мерген" стр.79/.
3/ См.Валиханов, Сочинения, стр.71
4/ См.В.Радлов "Образцы", т.Ш, стр.89-90.

ческим сказаниям, совершает его сын, юный богатырь Эр-Коссй. Совпадение его имени со старым Конроем /или Конаем/ из рода Катаган, может быть, также не случайно. Конрой в киргизском эпосе является одной из самых колоритных и национальных фигур и занимает в нем почетное место рядом с Манасом, Алмамбетом и Бакаем. Однако, мы уже отметили, что цикл эпических сказаний о Конрое, как видно из намеков в эпосе, был первоначально гораздо шире, чем эпизоды его биографии, связанные с Манасом. Возможно, что в состав этих сказаний первоначально входил и типичный сюжет - месть юного героя за убитого отца.

Другой соратник Манаса из числа покоренных им ханов-кара-ногаец Ямангурчи. Он известен в казахско-ногайском эпосе под именем Жангбирши как мурза ногайской орды, брат Муса-хана и внук Едиге. Исторический Ямгурчи, как и его старший брат Муса, были правнуками Едигея и неоднократно упоминаются в русских летописях как мурзы ногайской орды. Они принимали ближайшее участие в событиях, положивших конец татарскому владычеству на Руси: вместе со своими родичем, ханом Ибаком /ханом тюменьских татар/ они напали на ставку последнего золотоордынского хана Ахмета после его неудачного похода на Москву при Иване III и отступления от р.Угры, разгромили ставку и убили самого хана /6 января 1481 г./. В 1500 г. оба брата совершили неудачный поход на Казань против соперника Москвы хана Абдул-Летифа. В 1502 г. они отправили в Москву посольст-

ство "о любви" /т.е. для мирных переговоров/.[1] В эпосе ногайского цикла Жангбырым выступает как соратник Мусахана и как герой самостоятельной богатырской песни. Он упоминается также в сказании об Эр-Кёкче и Эр-Косае в числе противников этих героев.

Среди 40 дружинников Манаса у Радлова встречается имя Кен-Джанбая, сына Кепака.[2] Кен-Джанбай, или просто Джанбай из рода Кенегес, известен из казахско-ногайского эпоса как вельможа и богатырь хана Тохтамыша и играет существенную роль в его распре с Идиге. В казахском эпосе он является также героем самостоятельного эпического сказания. Другой богатырь Агиш, выступающий то в числе дружинников Манаса, то в числе побежденных им противников,[3] перекликается по имени с ногайским мурзой Агишем. Исторический Агиш был сыном Ямгурчи и упоминается в русских летописях и в родословных князей ногайской орды.[4] По сообщению барона Герберштейна, посла германского императора в Москве, Агис /Агиш/, вместе со своим двоюродным братом ногайским князем Мамаем /Мих-Мамай русских летописей, сыном Мусы/ в союзе с крымским ханом Магмет-Гиреем захватил Астрахань /1521-22 гг./; но, боясь усиления крымцев, братья внезапно напали на Магмет-Гирея, убили его, перебили его войско, находившееся в Астрахани, и преследовали бежавших до самого Перекопа.[5]

1/ См. Никон летоп. /Полн.собран.русск.летоп., т.XII/, стр.203, 253, 254.-Ср.Н.Карамзин "История государства российского" /изд.5-е,1842/, т.У1,стр.99 и 159 /Арханг.летоп/.
2/ См Радлов "Манас", кн.Ц,стр.1157,кн.У,ст.1476.
3/ См.Радлов "Манас",кн.Ш,ст.530;кн.1У,стр.86 и др.Валиханов,стр.218.
4/ См.В.В.Вельяминов-Зернов "Исследование о касимовских царях и царевичах", ч.П,/1863/,стр.244-245 /"Родослов-

В казахско-ногайском эпическом цикле Тел-Агис, сын Жангбырлы, принимает ближайшее участие в кровавой распре между сыновьями его дяди Иуса-хана /казахская поэма "Урак и Мамай"/, а также выступает как герой самостоятельной богатырской песни.

В связи с обилием в "Манасе" исторических имен, связанных с ногайскими эпическими сказаниями, следует отметить, что сам Манас, согласно киргизскому эпосу, происходит как у Радлова, из рода Сары-Ногай /"желтые ногайцы"/ или, как у Оразбакова, является внуком хана Ногоя, родоначальника всей ханской семьи Манаса. Как известно, ногайская орда получила свое прозвище от всемогущего золотоордынского правителя и временщика при нескольких ханах Ногоя /убит в 1300 гг./, но только при потомках эмира Едигея, в XУ-XУ1 вв., в особенности же после падения Золотой орды /1480/, с последней четверти XУ до последней четверти XУ1 в., ногайская орда, об"единившая в своем составе тюркские кочевые племена в западной части "кипчакских степей", до границ Москвы и Крыма, играла важную политическую роль в борьбе между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом, и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и юго-западной Сибири. Именно в эту пору эпические сказания, связанные с историей ногайской орды, получают широчайшее распространение среди тюркских наро-

---

ней Ногайских князей и "мурз"/.

5/ См "Записки о Московии" барона Герберштейна, перев. И.Анонимова /Пбг.1866/ стр.155-156.

дов Средней Азии и Сибири, входят, как органическая часть в состав эпических преданий казахов и находят частичное отражение и в киргизской эпопее "Манас". Самое слово "ногаец" в употреблении среднеазиатских народов приобретает расширенное значение, в особенности - в применении к героям эпических сказаний прошлого.

С казахско-ногайской эпической традицией связано, повидимому, и имя жены Манаса - Каникей. Эпическое сказаниеоб Идиге знает Каникей и Танкей как дочерей хана Тохтамыша, доставшихся в плен Идиге после победы над их отцом; по распространенному обычаю они становятся женами победителя. Персидские исторические источники подтверждают факт захвата Едигеем одной из дочерей Тохтамыша, от которой он имел сына. Выдачи этого сына и его матери в качестве заложников потребовал впоследствии от старика Едигея сын Тохтамыша Джалал-ад-Дин.[1] В казанско-татарском переводе "Истории монголов" Рашид-ад-Дина /"Сборник летописей", около 1600 г./ сообщается и имя этой дочери Тохтамыша: в издании проф.И.Березина - Джанике /вероятно, неправильно прочитано вместо Ханыкей/.[2] Тем самым имя это должно считаться если не историческим, то во всяком случае засвидетельствованным уже к близкой к событиям устной традиции конца XУ1 в.

1/ См. В.Тизенгаузен"Сборник материалов,относящихся к истории Золотой Орды", т.П. Известия из персидских источников /Лгрд.1941/, стр.194 /Абд-ар-Раззак Самарканд/.

2/ "Сборник летописей" /"Библиотека Восточных историков", изд. И.Березиным/т.П, ч.1, Казань 1854/, стр.158.

В казахском эпосе имена Каникей и Таныкей стали традиционными именами для дочерей вражеского /обычно-калмыцкого/ хана, которые становятся добычей казахского богатыря, героя сказания. В богатырской песне "Кора-батыр" так называются сестры калмыцкого хана Караманa; победив Караманa, Кора женится на Каникей, а его друг Кенимбай - на Таныкей. В песне "Кобланди-батыр" Канкей и Таныкей - дочери калмыцкого хана Алтагира, которые попадают в плен Кобланды и при дележе добычи достаются его соратнику, богатырю Караману[1]. Не случайно, может быть, имя или прозвище Канкей /собственно ласкательная форма "молодая ханша"/ перекрывает в "Манасе" другое и, может быть, более древнее имя этой героини - Сайкарабига.

Канкей - дочь таджикского хана Атемира или Па-Темира /т.е. шаха Темира/, царствующего в Бухаре. Имя это несомненно восходит к историческому имени знаменитого завоевателя Тимура, правителя Самарканда /ум.в 1405 г./. Под именем Са-Темира /с казахским переводом Ш-с/ Тимур известен в казахско-ногайском эпическом цикле, где, в соответствии с историческими фактами, он побеждает хана Тохтамыша с помощью Идиге. Форма имени свидетельствует об общем источнике и снова указывает на связь между киргизским и казахско-ногайским эпосом, сложившуюся в XУ-XУ1 в. В современном киргизском эпосе Атемир утерял

1/ См акад. А.С.Орлов "Казахский героический эпос" /Москва 1945/, стр.48 и 94.

всякую связь со своим историче ким прототипом, кроме имени: известно, что Орозбаков считал своего Атемира и Тимура разными лицами. У Караласва историческое имя Ша-Темира, утерявшее свое значение, заменено сказочным Кара-хана.

С той же эпохой связаны, повидимому, и имена главных врагов Манаса в том мере, в какой они могут считаться историческими. Имя китайского властителя Эсен-хана имеет исторические параллели в именах нескольких калмыцких и монгольских ханов и полководцев. В пору первоначальной военной экспансии кочевого государства ойратов /калмыков/, в первой половине XУ в., мусульманские исторические источники неоднократно называют имя калмыцкого военачальника Эсень-тайчи, сына главного ойратского вождя того времени, Тогона. Как сообщает акад.Бартольд, мусульманский правитель Могулистана Вейс-хан /между 1418-1428 гг./ много раз сражался с Эсень-тайчи. Вейс дал калмыкам 61 битву, из которых одержал победу только в одной; два раза он был взят в плен калмыками и против своего желания должен был выдать за Эсень-тайчи свою сестру.[1] Возможно, что историческое имя этого калмыцкого вождя сохранилось в киргизской эпопее за властителем враждебных киргизам калмыков и китайцев. Имя Эсень-бука носили два монгольских правителя из рода Чингисхана: первый управлял Чагатайским государством в начале XIУ в. /ум.1318 г./, второй был властителем Могулистана в середине XУ в. /1432-1462/; при последнем казахские племена, отколовшиеся от узбекского

1/ В.В.Бартольд "История Семиречья", стр.73.

хана Абулхаира, перекочевали в Могулистан на берега реки Чу /около 1456 г./[1].

Наибольший интерес в этой связи представляет имя главного китайского богатыря, сильнейшего противника Манаса - Конурбая /по Радлову - Конгур-баи/. Оно созвучно имени наиболее прославленного из богатырей Джангара-Хонгор /Буумин-Улан-Хонгор/. Сходство это заметили сами киргизские манасчи, столкнувшиеся в Восточном Туркестане с певцами калмыцкой "Джангариады". По их словам, калмыки знают Конурбая, но в их песнях - он главный герой. Такое совпадение вряд ли случайно и не может также об"ясняться "заимствованием" героя из эпоса иноязычного и притом враждебного народа. Оно скорее указывает на то, что калмыцкий богатырь Хонгор-Конгур имел своим прототипом реальное историческое лицо, имя и память которого сохранились одновременно в эпосе как самих калмыков, так и их врагов киргизов. Поскольку акад:С.А.Козин относит возникновение эпических сказаний цикла Джангара к периоду-первой военной экспансии государства ойратов /середина XУ в./[2], мы имеем здесь указание и на время возможного появления этого героя в киргизском эпосе.

Имя Конгор в монгольских языках означает "светло-рыжий, светловолосый": хунгур - "буланый конь".[3] Сходное значение имеет слово конгур и в тюркских языках /ср.

1/ В.В.Бартольд "История Семиречья", стр.60 след.и стр. 73-74.

2/ См. С.А.Козин "Джангариада" /Москва 1940/, введение, стр.88.

3/ См.акад. С.А.Козин "Введение в монголоведение",стр.57

кирг. конгур - "темнобурый, смуглый"/. Однако как собственное имя китайского героя оно не осмысляется по киргизски, теряет свое значение и обычно принимает форму Конур.

За вычетом этих более поздних имен, вошедших в состав киргизской эпопеи вместе с историческими наслоениями XУ-XУП вв., эпохи калмыцких войн, остаются имена и образы героев, относящиеся к древнейшему, доисторическому слою киргизской эпической традиции, в основах своих - сказочно-мифологическому. К этому слою Радлов относит самого Манаса и Джолоя, в которых он усматривает "не исторические личности, а мифологические фигуры, гораздо более древние, чем исторические воспоминания киргизов". "Исторические воспоминания", по мнению Радлова, "слились /в киргизском эпосе/ с древними преданиями и сказками в новые созданья фантазии".[1/]

Образ самого Манаса, героического вождя киргизского народа, несомненно древнее, чем имена большинства его родичей и соратников, древнее также историко-географического фона, с которым прочно связан в своем позднейшем развитии исторический сюжет эпопеи /борьба киргизов с калмыками и китайцами/. Самое имя Манаса до сих пор не получило удовлетворительного и бесспорного об"яснения. Важно, однако, что оно совпадает с именем Алпамыша, одного из древнейших героев тюркского эпоса, судьба которого,

---

1/ См. В. Радлов, т.У, предисловие, стр.Х1-ХП /ср.немецкий текст, стр.ХП/.

в различных версиях дошедшего до нас сказания, может быть вполне достоверно прослежена до X в. н.э. и с большой вероятностью до УI-УII в. / в алтайской версии "Алып-Манап", перекликающегося с сходными по сюжету монгольскими сказаниями/.[1] Имя Алпамыш представляет стяженную форму от алп /богатырь/, Маман или Манап, как о том свидетельствуют варианты этого имени: Маныш-бак /в "Родословной туркмен" Абулгази-хана, около 1660 г./,[2] Алып-Манап /в алтайской версии/, /алп/ Бамси, вероятно - ассимиляция из Момси /в огузском эпосе "Китаби Коркуд", XУ-XУI вв./.[3] Правда сюжет Алп-Маныша /героическое сватовство и возвращение мужа на свадьбу своей жены/ не имеет никаких точек соприкосновения с киргизской эпопеей, однако совпадение имени /может быть - нарицательного как прозвища богатыря/ само по себе является указанием на древность эпической традиции.

Мы отмечали уже в образе Манаса архаические черты исполинского роста и сверхчеловеческой силы, скорее характерные для сказочного великана, чем для героя исторического эпоса. Весьма древние корни имеет и представление о магической неуязвимости героя, универсально распространенное в эпосе тюркских народов. Конечно, в процессе многовекового развития образа Манаса эти древние ска-

1/ См. Н.Улагашев "Алтай-Вачаи. Ойротский народный эпос". /Новосибирск 1941/; "Алып-Манап", стр 79-126. Монгольские сюжетные параллели ст.Г.Д.Санжеев "Монгольская повесть о хане Харангуй" /Москва, 1947/.
2/ См Абульгази, стр.73.
3/ См фазыл Юлдаш "Алпамыш", пер.В.Державина, А.Кочеткова и Л.Пеньковского /Ташкент 1944/, предисловие В. Жирмунского, стр.14. Подробнее см. В.Жирмунский и Х.Зарифов "Узбекский народный героический эпос" /печатается/.

эпично-мифологические черты были многократно перекрыты исторические: Манас становится могучим вождем всех киргизских племен, защитником своего народа, великим полководцем и государем, в ко самой поздней ступени исторического развития - главой мусульманских народов Средней Азии в "священной войне" /"газавате"/ против "неверных."

Из соратников Манаса к древнейшему сказочно-мифологическому слою относится Эр-Тёштюк, один из вассальных ханов Манаса, пришедший в эпос со стороны, со своим самостоятельным сказанием. Эр-Тёштюк известен в казахском народном предании и у тюркских народов Сибири.[1] Киргизский эпос сохранил о нем обширную сказочную поэму, записанную Радловым и недавно изданную вновь в версии манапчи Караласва, насчитывающей 49 глав и около 10000 стихов.[2] Имя героя Эр-Тёштюк Радлов толкует как "ер-тюшюк" - "подземный герой" /"спустившийся в землю"/, в соответствии с формой этого имени в сибирской сказке.[3] О Тёштюке рассказывается, что он пробыл 7 лет в подземном мире. Рассказ о приключениях Тёштюка представляет весьма оригинальный вариант широко распространенного международного сказочного сюжета о "трех царствах" /сказочный каталог № 301/.[4] Герои

1/ См.Г.Н.Потанин "Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки" /"Живая старина", 1916, вып.II-й/; "Ер-Тюстюк" /стр.85-95/. - В.Радлов "Образцы", т.IУ, стр.443-476 /"Киртюшюк"..

2/ Радлов, т.У, стр.526-589: "Ер Тёштюк". - Сказание Караласва "Тоштюк" /Фрунзе 1938/.

3/ Радлов, т.У, предисловие, стр.XIУ.

4/ Н.П.Андреев "Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне" /Лгрд 1929/ стр.26.

этой сказки спускается под землю, освобождает трех царевен /или царевну/ от сказочного чудовища и после ряда приключений спасается из под земли с помощью чудесного помощника - гигантской птицы /Симург, в киргизском варианте - Каракуш/, выносящей его на поверхность земли на своих крыльях. В основе этого сказочного сюжета, вероятно, лежат более древние мифологические представления о посещении героем подземного-потустороннего мира, царстве мертвых. В "Манасе" неоднократно встречаются попутные упоминания о приключениях Тентюка под землей, известное из сказки.[1] Он - младший и самый любимый из 9 сыновей Алеман-бая, "Уже 7 лет прошло с тех пор как я спустился в недра земли, но только 7 дней прошло, с тех пор как я поднялся на ее поверхность", говорит о себе Тентюк в варианте Орозбакова. "Крови у меня осталось всего одна ложка, а тело у меня все посинело"/повидимому - намек на пребывание героя в царстве мертвых/.

Сходные сказочно-мифологические предания, повидимому, существовали и о некоторых других богатырях цикла Манаса. О втором Кошое, как было сказано выше, во всех записях "Манаса", начиная с Валиханова, неизменно говорится, что он "открыл запертые ворота рая". Возможно, что мы имеем здесь в мусульманизированной форме аналогичное сказание о посещении героем загробного мира. Другой, менее известный герой Джо-Герю /или Югеру/, согласно записи

1/ См.Радлов "Манас", гл.IУ, стр.90-92, 698-702, 1042-1050, и др. Ср.Валиханов, стр.219.

Радлова "входил в сношения с мертвыми".[1] О нем Радлов слышал песню, которая осталась неизвестной.[2] О богатыре Сайкал Караласв рассказывает, что они и Манас дали друг другу слово встретиться на том свете. Когда Манас умирает, Сайкал насильно приводят к умирающему и заставляют ее облечься в траурные одежды. Все это - осколки древних преданий, сохраненные эпической традицией, хотя уже не вполне понятные самим сказителям.

Наиболее ярко выступают сказочные черты в образах врагов Манаса - прожорливого великана Джолоя, хакки Оронгу, великанши Канышай, богатырки Сайкал, одноглазых циклопов Мальгуна и Мади-хана и волшебного стрелка Кодкодаша.

Сказочная прожорливость Джолоя, которая в эпосе является одним из элементов обычной гротескно-комической характеристики врагского богатыря-исполина, напоминает великанов-людоедов народной сказки. "Он с"едал сразу 6 батманов жареного зерна, и всегда пахло пшеницей от Джолоя. Он выпивал зараз кровь 60 коней. Вот каков он был, великан Джолой"[3], говорит Орозбаков. "Еда не утоляла его голода, питье не уничтожало его жажды!" заявляет сказитель, записанный Радловым.[4] Согласно Радлову, хан Джолой, "Могучий обжора", является единственным "достойным противником" Манаса. "Благодаря исполинскому своему телосложению и сверх"естественной силе", пишет Радлов, "он может быть

1/ Радлов, т.У, предисловие, стр.1Х.

2/ Там же, стр.ХУП.

3/ Пер. А.А.Валитовой

4/ Радлов, т.У "Джолой хан", стр.5 -6.

побежден только тогда, когда он впадает после истребления неимоверного количества пищи и напитков в свойственный ему одному смертоподобный сон". 1/ Радлов записал обширную эпическую поэму сказочно-героического содержания "Хан Джолой", в которой этот богатырь является главным действующим лицом. 2/ Эта поэма не связана с циклом Манаса, Джолой является в нем, вопреки всей остальной киргизской традиции, "поганцем", среди его врагов калмыков называются Конгурбан, Карача и ряд других. Поэма содержит ряд традиционных сюжетных элементов, широко распространенных в эпосе тюркских и монгольских народов: угон табунов, героическое сватовство, предательство сестры героя, ставшей любовницей вражеского богатыря, опьянение героя и пленение в подземелье, захват его жены, рождение сына, его месть за отца и освобождение героя.

Богатырша Сайкал или Ак-Сайкал в этой поэме, как и в версии "Манаса", записанной Радловым, связана с Джолоем и является его женой.

Сказочные черты сохранила у Оровбакова и великанша Ороигу, которой эпическая традиция "Манаса" приписывает комически-неприятный эпизод в "Поминках Кокетея" /"развязывание верблюда"/. "Губы ее этопыреш, соски отвислих грудей свисают до самого пупка". "Ее

1/ Радлов, т.У, предисловие, стр.1Х

2/ Радлов, т.У, стр.369-525.

волосы подобны каштам, а губы - отмеченной шкуре быка". Когда Оронгу свирепо трясет головой, из ее волос "разбегаются во все стороны 30 мышей".

Среди сказочных врагов Манаса в лагере калмыков и китайцев особого внимания заслуживают одноглазые великаны, известные в античном мифе и эпосе под именем циклопов. Сказания об одноглазых великанах /"калгма кезду дев"/ широко распространены в Средней Азии. В частности повсеместное распространение имеет здесь сказочный сюжет, известный у большинства народов Запада и Востока и отраженный в "Одиссее" Гомера в рассказе об ослеплении Одиссеем циклопа Полифема /международный сказочный каталог № 1137/[1]. Сюжет этот засвидетельствован у тюркских народов уже в средневековом огузском эпосе "Китаби Коркуд" /"Песнь о том, как Бисат убил Дели-Гёза": Дели-Гёз - одноглазый великан-людоед, у которого глаз находится на темени, - "темехлазый"/. В "Манасе" этот сюжет, известный в киргизских сказках, представлен у Оразбакова в эпизоде с охотником Куту-быем /в первом "казате"/.

Одноглазый великан Малгун, сторожащий границы Китая, встречается Алмамбету и Сыргаку во время разведки. Малгун - неуязвим: "Не поранишь его мечом, даже пика ему нипочем, не пробьет секира его."[2] Сыргак пронзает его глаз пикой /копьем/. Глаз, судя по рассказу в "Китаби Коркуде" - единственное уязвимое место чудовища: этим,

---

1/ См.Н.П.Андреев "Указатель сказочных сюжетов", стр.76.
2/ См."Манас" Великий поход" /1946/, стр.251.

повидимому, об"ясняется способ его умерщвления в сказке. Шесть дней и ночей гонятся киргизские богатыри за слепым великаном, покуда Сиргак не сбивает с него волшебный шлем, охранявший его жизнь /второй вариант мотива магической неуязвимости/. Тогда Алмамбет отрубает великану голову.

Одноглазый великан Мадикан-дэв выступает против киргизов во главе большого китайского войска в битве под стенами Бейджина. Он выезжает в бой верхом на однорогом бугае. Мадикан тоже представляется неуязвимым: телоего звенит, как металл, когда его ударяют копьями: "копьями били по всем местам - не замечает ударов Мади". "Рубят, колют батыри его, не берут с кири его, рубят, колют его сипачи, не берут Мади-хана мечи." 1/ В отчаянии Манас обращается с молитвой к Аллаху: тогда копье Манаса пронзает его; копья других богатырей также вонзаются в его тело, а Чубак ударом меча сносит голову его бугаю. Здесь победа над неуязвимым великаном-язычником получает позднейшую, мусульманскую мотивировку.

Вражеские богатыри, выезжающие в бой верхом на быке, хорошо известны сказочно-героическому эпосу тюркоязычных народов Сибири и принадлежат к его древнейшему слою. Таков, например, в алтайском "Алып-Манаше" семиглавый Дельбеген, великан-людоед, отправляющийся в походна своем "сином" /лучше - сивом/ быке. Сам Эрлик, власти-

---

1/ См. "Манас. Великий Поход" /1946/, стр.332 и 337.
2/ См. "Алып-Манаш" /"Алтай-Бучаа", стр.91.

тель подземного мира, "злой бог" шаманистской религии, вступает в бой верхом "на чернолисом поросе с саженными рогами."[1] На позднейших ступенях развития среднеазиатского эпоса этот архаический образ заменяется характерным для романтики феодального Востока богатырем-великаном верхом на слоне. На слонах выезжают в бой с Манасом 15 балбанов Дубуро-хана /в первом "казате"/, как и великан Макатиль в узбекском сказочно-романическом эпосе цикла Героглы /"Малика Аяр"/.

Со стороны вошел в цикл "Манаса" волшебный стрелок /мерген/ Коджодаш. В киргизском эпосе Коджодаш известен как герой самостоятельной сказочно-бытовой поэмы об искусном охотнике, истребителе горных коз, которого серая коза /повидимому, связанная с мифологическим покровителем горных жвачных животных Кайып-эреном/ заманивает в непроходимые горы, где он находит себе смерть. У Караласва Коджодаш, сын Караджая, вместе с Алмамбетом, учился тайной мудрости к 60-ти главого дракона. Но он учился на три месяца больше, чем Алмамбет, и поэтому превосходит его в волшебной науке. Коджодаш - "самый скорый скороход, первый верховой ездок и самый меткий стрелок". Алмамбет боится его больше, чем ангела смерти Азраила.[2] При отступлении киргизов от Бейджина Коджодаш поочередно поражает своими меткими стрелами соратников Манаса - Сыргака, Чубака, Серека, Шубу и многих других, последним - Алмамбета. Манас убивает его выстрелом из своего ружья "ак-кельте".

1/ См. Н.Я.Никифоров "Аносский сборник", стр.193 /"Кан-Таджи"/.

2/ См."Манас.Великий Поход" /1946/,стр.180.

К элементам сказочной фантастики в "Манасе" относятся также "аяры" /колдуны/, сопровождающие вражеское войско, заговаривающее погоду и создающие миражи с целью запугать противника, драконы /"аджыдары"/, с которыми герои вступают в единоборство, волшебные превращения и оборотничество /в похождениях Кошоя в Кашгарии и в разведке Алмамбета/. Не все в этих образах имеет одинаково древнее происхождение: самые слова "аяр" /"хитрый", "коварный"/, "аджыдар" /от "аждахо"/, "дэо" /"див", "великан"/ - персидского происхождения и указывают на наличие поздних международных культурных влияний, на возможность проникновения сказочной фантастики в эпос из международного репертуара сказочных мотивов. Правда, заимствованное слово в ряде случаев может перекрыть народное представление, имеющее глубокие местные корни: слово "див" заменит забытое древнее обозначение для сказочного великана, "аярами" назовутся шаманы, которые в более древние времена должны были сопровождать войско, чтобы магическими средствами доставить ему победу."[1/] Характерно, однако, что все эти чудеса /за исключением волшебных приключений Кошоя/ по преимуществу приписываются врагам китайцам или Алмамбету, тоже китайцу по происхождению и научившемуся тайнам волшебства у своих соплеменников. "Древний и мудрый" китайский народ, по представлению сказителя, владеет тайными знаниями, волшебной наукой, в которой его сила. Этим мотивируется экзотика чудесного

1/ Ср. В.В.Бартольд "История Семиречья", стр.83.

в "Великом походе" на Бейджин.

Однако сказочная фантазия не является основным и ведущим элементом в "Манасе": в этом - отличие эпоса героического, связанного с историей, от более древнего, сказочно-мифологического, "доисторического" эпоса и от более позднего романического эпоса феодальной эпохи - рыцарского романа на Западе или т.н. "народного романа" в странах мусульманского Востока. "Манас" является типичным героическим эпосом - подобно узбекскому "Алпамышу" и казахским богатырским песням на Востоке, или русским былинам, эпическим песням южных славян, немецким "Нибелунгам" или французской "Песне о Роланде" у народов Запада. На стадии героического эпоса мифологическое и сказочное сводится в основном к масштабам героической человечности, господствует не сказочная фантастика, а монументальный реализм, благородный и трезвый, несмотря на наличие идеализации в соответствии с нормой человеческого поведения, сложившейся в народном сознании. Сказочные мотивы встречаются в героическом эпосе, с одной стороны - как пережитки, с другой стороны - как позднейший, наносный культурный слой. Правда этих пережитков в "Манасе", в соответствии с древностью и архаичным характером киргизской эпопеи, значительно больше, чем в героическом эпосе других народов Средней Азии.

Наиболее поздними и поверхностными являются в "Манасе" наслоения мусульманские. Как уже указывалось выше,

мусульманские писатели XVI и даже XVII в. считают киргизов язычниками /"кафирами"/ или полуязычниками, хотя, как видно по имени их предводителя Мухаммеда /ум.около 1533г./[1] начало проникновения мусульманства к киргизам относится к достаточно раннему времени. Но даже в XIX в., по свидетельству этнографов и путешественников - европейцев, официальное мусульманство имело у киргизов самый поверхностный характер, и широкие народные массы фактически придерживались "двоеверия", в котором древние языческие обычаи и верования продолжали играть немаловажную роль.

В эпосе представления до-мусульманской эпохи везде перекрыты новой мусульманской идеологией, хотя всюду, как и в жизни, они просвечивают сквозь эти наслоения недавнего времени. Манас и его соратники, в особенности - у Сарбакова являются ревностными мусульманами, и национальная борьба киргизов против калмыков и китайцев истолковывается, как уже было указано, как "священная война" /"газават"/ мусульман против неверных.

Рассказ об обращении Манаса в мусульманство 550-летним старцем Ак-Ходжо, современником и посланником пророка Мухаммеда, несомненно является поздней мусульманской легендой, некоторые детали которой/ видение ада и рая/ восходят к общеизвестной легенде о призвании Мухаммеда . Имя Ай-Ходжа, как святого старца, паломника в Мекку, связано с Манасом и в записях Валиханова, где, в числе приглашенных на поминки Кокетея, упоминается "золото-

---

1/ В.В.Бартольд "Киргизы", стр.54.

бородый ходжа по имени Ай-Ходжа" - "в белой чалме, огромной как котел, с посохом в руке, в устах его призыв и сам на Божьей дороге, на стороне, где заходит солнце". 1/ Известные аналогии с обращением Манаса представляет предание об обращении в мусульманство средневековых огузов, сохраненное в эпосе "Китаби Коркуд". Здесь проповедником мусульманства является Эмен /или Аман/ из племени Бекдыз. "Покинув родину, он видел лицо пророка; вернувшись, стал его сподвижником среди огузов". 2/

В версии Орозбакова с обращением Манаса связан другой мусульманский мотив: мальчик пастух, пасущий стада пастуха Овчара, в поисках пропавшего барана, встречает в степи сорок чилтанов /"кирк чилтан"/, которые благословляют его и обещают ему свое покровительство и помощь. "Сорок чилтанов" в филологии и фольклоре мусульманских народов - сорок святых, таинственных руководителей мировой и человеческой жизни, которые признаются верующими в качестве "заступников", и в образе человеческом могут присутствовать среди людей. 3/ В среднеазиатском эпосе, прошедшем через влияние мусульманства, чилтаны нередко выступают как покровители героев и их помощники в беде. Аналогичный эпизод о встрече с чилтанами рассказывается в узбекском эпосе о мальчике Горогли, отправившемся на поиски своего пропавшего ребенка Гирата: и он встречает на пути своем

1/ Валиханов, стр.220.
2/ См. В.Бартольд "Турецкий эпос и Кавказ" /сборн.-Язык и литература", т.У, Лгрд 1930/, стр.13.
3/ См.М.С.Андреев "Чилтаны в среднеазиатских верованиях" /сборник в честь акад.В.В.Бартольда,Ташкент,1927/.

чилтанов и получает их благословение. В дальнейшем чилтаны являются в минуты смертельной опасности на зов Манаса и охраняют героя, отвращая от него копья и стрелы врагов /позднейшее мусульманское переосмысление мотива магической неуязвимости/.

С чилтанами в мусульманской религиозной легенде связан таинственный Хизр, пророк, искавший и обретший бессмертие, вечный странник и помощник всех странствующих и находящихся в беде. Среднеазиатский эпос знает Хизра, как популярный образ мусульманской мифологии. В версии Караласва с приходом Хизра связано обращение Манаса в мусульманство.

К позднейшим мусульманским элементам эпопеи относятся рассказы о паломничестве Манаса в Мекку. Паломничество это упоминается уже в записях Радлова;[1] у Орозбакова оно выделено, как мы видели, в специальный эпизод, предшествующий "малому походу" и смерти Манаса. Версия Радлова упоминает о Сыргаке как участнике паломничества Манаса.[2] У Караласва такое паломничество совершает и Алмамбет после принятия им мусульманства, вместе со своим боевым товарищем, мусульманином Маджиком /рассказ Алмамбета/. Караласв сумел очеловечить эту официальную религиозную тему. Алмамбет хочет взять с собой в Мекку и своего богатырского коня Сарала. Но паромщик, седобородый старый шейх, отказывается взять коня в свой

1/ Радлов, "Манас", гл.У, стр.2445-2462.

2/ Там же, гл.У, стр.1487-89.

паром: "И золота не захотел старик, проклятый паромщик, злой шейх! Вступил бы в Мекку Сарала". Алмамбет оставляет своего коня на берегу моря на попечении святого старца дивани. Только 6 дней проводит Алмамбет в Мекке: ему снится покинутый конь, и он решает поскорее оставить "святые места". "Хоть тварь он четвероногая, да не прогневаю бога я ! покинул я Мекку из за Сарала."[1/]

Из основных героев эпопеи только двое носят мусульманские имена: отец Манаса Джакып /Яков/ и лучший соратник героя, богатырь Алмамбет.

Роль Джакыпа в эпосе определяется традиционным местом в сюжете как бездетного отца /рождение Манаса/ и свата /женитьба Манаса/. В его характеристике у Орозбакова выступают черты негероические, бытовые, несомненно позднейшего происхождения. Жакып богат и ловок, дружит со своими господами и соседями калмыками, берет младшую жену - калмычку, живя в кочевьи, приумножает свои стада и богатства. Его трусливое и покорное отношение к насильникам контрастирует с героическим характером и поведением его сына, мальчика Манаса. Любопытно, что после смерти Манаса он будет поддерживать своих младших сыновей от жены - калмычки, Абеке и Кёбёша, против Кашкей и сына Манаса Семетея. В поэме "Семетей" роль его в этом отношении как изменника памяти и делу Манаса определяется окончательно. Все это - вряд ли исконные черты отца героя. Можно думать, что фигура Жакыпа позднейшего проис-

---

1/ "Манас. Великий поход", стр. 226-227.

хождения и возникла в процессе создания генеалогии для первоначально изолированной фигуры Манаса.

В связи с этим следует отметить, что имя матери Манаса также не имеет в эпосе вполне прочной традиции. У Оросбакова ее зовут Шакан, но прозвище ее, заменяющее имя, - Чийирды. По об"яснению сказителя оно происходит от имени ее первого мужа Чийира, дяди Джакыпа /Джакып женится на вдове своего дяди по закону "левирата"/. В записях Радлова /"Рождение Манаса"/ однажды встречается имя Чиритчи,[1] созвучное с Чийирды, но во всех прочих случаях мать Манаса носит имя Бакдолет, то самое, которое Оросбаков приписывает младшей жене Джакыпа, калмычке.

В образе Алмамбета, вероятно -весьма древнем по своему происхождению, определяющее значение получили его мусульманские черты: героя веры, китайца-язычника, от рождения чудесным образом предназначенного стать мусульманином, который с мечем в руках будет сражаться на стороне киргизов против своих собственных родичей, оставшихся "неверными", и укажет Манасу путь в Бейджин.

История Алмамбета рассказывается в варианте Оросбакова перед сватовством Манаса и поминками Кокстея, эпизодами, в которых Алмамбет выступает как действующее лицо. В варианте Караласва /и у других сказителей Иссык-Кульской школы/Алмамбет сам рассказывает Манасу свою биографию во время разведки, в начале Великого похода.

Между этими вариантами имеется довольно значитель-

1/ Радлов "Манас", гл.1, стр.12 след.

ние расхождения, как и с записью Радлова, которая в общем ближе к Оразбакову.

Чудесное зачатие, рождение от престарелого отца, тяжелые роды матери, знамения при рождении, нареченье имени младенца на пиру странствующим деревшем-дивоной /или пророком Хизром/, ранние боевые подвиги представляют общие черты традиционной биографии эпического героя, роднящие Алмамбета с Манасом; но здесь они они получают специфическое истолкование в духе мусульманской легенды, предвещая появление и свет будущего борца за "истинную" веру. У Караласва мать Алмамбета Алтынай - тайная мусульманка. Алмамбет - не сын ее мужа, китайца /язычника/ Азиз-хана; он зачат чудесным образом от ангела /хура/, которого во время сна привел его матери белобородый старец дивана, впоследствие - покровитель Алтынай и ее сына. Этот рассказ Караласва о чудесном зачатии Алмамбета, может быть, связан с мусульманской легендой о рождении пророка Иси /Иисуса/ от Архангела Гавриила[1] и представляет мусульманский вариант древнего мотива о чудесном зачатии эпического и сказочного героя. В другом месте версии Караласва Алмамбет называется "сыном священного луча" /"нур"/. Рождение героя от солнечного луча принадлежит к числу распространенных вариантов того же мотива чудесного зачатия.

Алмамбет уже во чреве матери предназначен стать героем веры: он рождается в ночь на пятницу, уже обрезан-

---

1/ Ср. E. S. Hartland „Primitive Paternity" (London 1909) т.1, стр.21.

ный, с именем пророка Мухаммеда /или со словом: "Ислам!"/ на устах. Страшные знаменья при его рождении - 70-ти дневный ливень, потоп и землетрясение - угрожают Бейджину разрушением; рушатся копища языческих богов. В варианте Оросбакова, где мать Алмамбета - язычница, его принимает жена дунганина /китайца-мусульманина/ Салар, которая перерезает младенцу пуповину, дает ему грудь и ухаживает за ним в течение первых трех месяцев его жизни. Когда спустя 3 месяца мать-язычница захотела взять ребенка, он заплакал и не пошел к ней на руки. У Караласва новорожденного принимает также мусульманин, молодой пастух Маджик, сын купца-ходжи /паломника в Мекку/, убитого китайцами. После обращения Алмамбета в мусульманство и бегства из Бейджина пастух Маджик становится ближайшим другом и постоянным спутником молодого героя-изгнанника. С помощью Маджика Алмамбет набирает себе дружину из таких же 40 "джигитов-пастухов". Маджик сопровождает его в паломничестве в Мекку. Эта дружба молодого царевича с пастухом, традиционный биографический мотив, уже отмеченный нами в жизни мальчика Манаса, получает у Караласва также мусульманское истолкование.

Обращение Алмамбета в мусульманство совершается у Караласва под влиянием матери и чудесного сна, в котором его покровитель, аксакал-дивана, показывает ему блаженство рая и муки ада /как в легенде о Мухаммеде и в рассказе об обращении Манаса/. Тайной мусульманкой

является здесь также царевна Бурулча, дочь китайца Эсен-хана, двоюродная сестра и возлюбленная Алмамбета, которая обещает молодому герою стать его женой при условии, если он примет ислам. Бурулча действительно становится женой Алмамбета после его возвращения в Бейджин победителем вместе с Манасом. У Оразбакова и Радлова Алмамбета обращает в мусульманство казахский хан Кекче. В обоих вариантах новообращенный предлагает своему отцу /у Оразбакова - обоим родителям/ принять истинную веру, и это приводит к вооруженному столкновению между отцом-язычником и его войсками и сыном-мусульманином и его джигитами. У Караласва Алмамбет при этом убивает своего мнимого отца Азиз-хана. После этого он покидает языческий Китай и уходит к мусульманам, чтобы впоследствии вернуться на родину вместе с Манасом.

Уже Радлов указывал на сходство истории Алмамбета с древнетюркским сказанием об Огуз-хане, легендарном родоначальнике и, согласно тоже легенде, первом мусульманском властителе огузов.[1] Сходство это еще более заметно в новейших записях "Манаса". Действительно, в более поздней мусульманской версии сказания об Огуз-хане, сохранившейся в "Сборнике летописей" Рашид-ад-Дина /начало XIУв./ и в "Родословной туркмен" Абульгази-хана /около 1660 г./, Огуз-хан, сын язычника Карахана, властителя огузов, как будущий герой веры, так же чудесным образом рождается уже мусульманином. В течение трех дней и трех ночей он не бе-

---

1/ Радлов, т.У, предисловие, стр.XIII.

берет грудь своей матери-язычницы, пока она в тайне от мужа не становится мусульманкой. Когда Карахан сватает молодому царевичу дочерей своего брата, он требует от своих будущих жен, чтобы они уверовали в истинного бога. Две старшие не соглашаются, и Огуз-хан отказывается от общения с ними; младшая, уверовав по его слову, становится его женой. Карахан, узнав, что сын его изменил вере отцов, собирает против него войско. В завязавшейся битве отец терпит поражение и погибает. Впоследствии Огуз-хан становится великим завоевателем, силой меча распространяет ислам в Средней Азии и подчиняет себе Иран, Сирию и Египет. Сказания и песни об Огуз-хане, как видно из "Истории туркмен", еще во второй половине XVII в. имели распространение в Средней Азии.[1/] Возможно, что они оказали влияние на формирование образа героя веры Алмамбета.

Китаец Алмамбет, будучи первым по доблести и силе среди богатырей Манаса, в то же время изображается в эпосе могучим волшебником, обладателем тайной мудрости, которой он в детские годы, по желанию своего язычника отца, обучается у 60-ти-главого дракона на озере Аверген. Алмамбет может по желанию менять свой вид, во время битвы с врагами он, с помощью волшебного камня "яда", заговаривает погоду, "наводит туман, ненастье, и холод", "заставляет падать снег, посылает бураи." "Началось все-

---

1/ См. Абульгази, пер. Саблукова, стр. 11-27

общее оражение. Алмамбет стал, как обычно, заговаривать погоду. Небо быстро покрылось тучами, лик земли был охвачен мраком, на предгорьях начало бить град, на берегах рек полились дожди. Месяц еле мерцал, солнца не было видно, сгустились сумерки. Он превратил летний день в зиму, китайцев в их легких одеждах он заставил плакать наверид"

Как мы уже сказали, киргизский эпос, в своей современной мусульманизированной форме, приписывает искусство заговаривать погоду исключительно врагам-язычникам, китайцам и калмыкам, их "аярам" /колдунам/. Однако заговаривание погоды шаманами и вера в магические свойства камня "яда" были до недавнего времени широко распространены среди всех тюркских народов, в частности в Средней Азии среди казахов и киргизов. О последних нам сообщает мусульманский историк конца XVI в. /1580/: "Действуя камнем ядат они заставляют снег падать на идущие против них войска и производят такой холод, что воины не могут действовать ни руками, ни ногами. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов."[1] Таким образом искусство Алмамбета связано с древнетюркскими шаманистическими верованиями, и лишь в позднейшую мусульманскую эпоху получило оправдание в его языческом, китайском происхождении.

Высокая и благородная дружба между киргизом Манасом и китайцем Алмамбетом, закрепленная обрядом побратимства,

---

1/ См.В.В.Бартольд "История Семиречья", стр.83. Камень "яда" известен и в казахском эпос под именем ЖАЙ. Ср.Радлов "Образцы" т.III, стр.96 /"Ер-Кекче"/.

"молочного усиновления" Алпамбета матерью Манаса, поднимается над племенными "расовыми" различиями и предрассудками и в этом смысле напоминает подобные же отношения между узбеком Алпамышем и калмыком Караджаном в поздней-шей кунгартской версии " Алпамыша". Калмык Караджан, приняв мусульманство, уступает Алпамышу его невесту Барчин, становится его сватом и помощником в брачных состязаниях, замещает Алпамыша на бане в состязании с калмыцкими богатырями и помогает ему в борьбе с ними, не щадя для него ни своих родных братьев, ни единоплеменников.В истории сюжета "Алпамыша" Караджан из друга-предателя и соперника героя первоначальной версии сказания о возвращении мужа /так еще в алтайском "Алып-Манаме"/ превратился в его верного помощника. Таким образом этот благородный и гуманный образ друга-иноплеменника, возвышающийся над элементарной "биологической" ненавистью к иноплеменнику, которую фашистские "теоретики" так охотно приписывали патриархальному человечеству, является всецело результатом новотворчества узбекских народных сказителей.

Киргизский эпос более глубоко и реалистически раскрывает трагические противоречия, заключающиеся в этом образе. Оторвавшись ради "истинной веры" от своего народа и своих родичей, став боевым соратником Манаса и проводником киргизского войска в "великом походе" на Бейджин, Алпамбет испытывает и глубокую тоску по покинутой родине и тяжелые страдания от недоверия окружающих к чужеземцу и перебеж-

чику, "беглому рабу" китенцу, недоверия, которое возникает по каждому новому поводу в столкновениях то с Эр-Кёкчё, то с Чубаком, то даже с самим Манасом. В патриархально-родовом обществе, построенном на прочных и тесных родовых семейных связях, где опорой и защитой человека являются только род и племя, Алмамбет является, несмотря на свое высокое, царское происхождение, изгоем, человеком беззащитным, без рода и племени. С горечью Алмамбет говорит Манасу: "Каждый, кто имеет свой эль /род-племя/, видно - считается эром /мужем/. Что он ни скажет, слово его имеет вес. Для джигита же, оторвавшегося от эля, лучше всего, видно - умереть. Каждый, кто опирается на свой калик /народ/, что бы он не сказал, его слово - веско. Для несчастного же, кто покинул свой калик, лучше всего - поскорее умереть". /пер. А.А. Валитовой/

Эта глубокая психологическая трактовка киргизскими сказителями трагического конфликта между личностью и родовым коллективом, между индивидуальным убеждением и традицией, явление новой эпохи, связанной с разложением патриархально-родовых отношений, также принадлежит к самой поздней стадии развития киргизского эпоса. Об этом свидетельствует, между прочим, и монологическая форма рассказа Алмамбета у Караласва - форма необычная для старой об"ективной манеры эпического повествования.

Таким образом в сложном составе киргизской эпопеи можно различить, по крайней мере, три основных слоя. Древней-

ний, доисторический, в основном - сказочно-мифологический, не может быть прикреплен к определенным датам: в широких рамках он относится к 1Х-Х1У вв. К этому слою восходят фигура Манаса /в ее первоистоках/, Джолой и Сайкал, Тёптюк, Ороигу, Колдодан и немн.др. Второй слой, исторический по преимуществу, связанный с реальным историческим фоном калмыцких войн, датируется ХУ-ХУП вв. В эту эпоху определилась основная историко-политическая тема эпоса - борьба киргизов с калмыками и китайцами, и роль Манаса как вождя киргизов в этой борьбе. Этот слой характеризуется широкими средневековыми связями эпоса, определяющими проникновение в его состав целой галлереи героев, известных также эпосу других среднеазиатских народов, в особенности - эпическим сказаниям ногайско-казахского цикла. К кругу этих исторических по своему происхождению героев относятся Кёкчё, Джамгырчи, вероятно - Конай, Ак-Темир, а также враги киргизов - Эсен-хан и Конурбай. Последний, наиболее поздний слой, с ХУП по Х1Х вв., определил собой мусульманизацию эпоса: тему "газавата", священной войны против "неверных", превращение Манаса в великого завоевателя, вождя мусульманских народов Средней Азии в этой войне, образ Алламбета, как героя веры /по крайней мере - в его собственном облике/, обращение Манаса в мусульманство, элементы мусульманской мифологии и легенды /Хизр, чилтаны и т.п./, паломничества героев в Мекку, эпизодическая фигура Джахангира-ходжи и мн.др.

Новые наслоения связаны с расширением первоначальных рамок эпоса включением в цикл Манаса на разных ступенях его развития целого ряда действующих лиц, первоначально являвшихся героями самостоятельных исторических или сказочных сюжетов /Джолой и Сарыкал, Тёлтык, Конод, Кёкчё, Джамгырчи и др./. Некоторые из этих сюжетов до сих пор сохранились в виде самостоятельных поэм /"Эр-Тёлтык", "Хан-Джолой"/, другие продолжают существовать в "Манасе" как неполные понятные для самих сказителей намеки на не включенную в состав эпопеи биографию этих героев /в особенности Конод/.

Одновременно происходит и внутреннее расширение эпического сюжета. Манас получает связную эпическую биографию: рождение и детство, с их фольклорными "общими местами", героическое сватовство. По этому примеру строятся аналогичные эпические биографии главных соратников Манаса - Алманбета, еще позднее Чубака /у Караласва/.

Генеалогическая циклизация создает Манасу сына Семетея, мстителя за отца и наследника его славы, и внука Сейтека, мстителя за Семетея и его наследника. Многое в эпических биографиях этих героев /в особенности - рождение и детство/ строится по прототипу биографии Манаса.

Наконец, превращение первоначально коротких богатырских песен /"быличи"/ в от ом у национальную эпопею сопровождается процессом стилистического развертывания, накоплением эпизодических сцен и действующих лиц и мирными описаниями подробностей военной и мирной жизни, пос-

динков богатырей, массовых битв и народных праздников, обстановки и быта, тех реалистических вместе с тем идеализированных деталей прошлого и настоящего киргизского народа, которые с такой любовью развертывали перед своими слушателями лучшие из киргизских сказителей.

Настоящее переложение "Манаса" имеет целью познакомить советского читателя с основным содержанием киргизской эпопеи, поскольку полный "Манас", даже после своего опубликования, по своим огромным размерам, вряд ли будет легко доступен для лиц, не занимающихся специальным изучением киргизского эпоса. Переложение дает схему сюжета, включающую все главнейшие эпизоды поэмы и большинство упоминаемых в ней действующих лиц. Отдельные отрывки текста, типичные для искусства сказителей+/портреты героев, картины битвы, описание коней и оружия и т.п./ даются в качестве примеров в точном прозаическом переводе.

Переложение сюжета "Манаса" не преследует художественных целей. Оно было первоначально составлено на киргизском языке научн.сотр.Киргизского филиала Академии Наук СССР Бектеновым с учебной целью, для ознакомления учащихся Киргизского Педагогического Института с основным содержанием эпопеи. Русский перевод сделан А.А.Вали-

товой [redacted] под общей редакцией члена-корреспондента Академии Наук СССР проф. В.М.Жирмунского.

В основу работы [redacted] положена была версия Сагымбая Орозбакова, из которой выключены походы на Запад и на Север как новотворчество этого сказителя, не подтвержденное другими вариантами. Из версии Сыякбая Каралаева в переложение включены: рассказ Алмамбета /в эпизоде разведки/ и вторая часть "великого похода" /отступление из Бейджина и смерть Манаса/ которая у Орозбакова оттеснена введением новой темы паломничества Манаса в Мекку и "малым походом".

Составители хотели бы дать читателю и исследователю "Манаса", не имеющему возможности ознакомиться с текстом оригинала, полную схему сюжета, ориентирующую в содержании великой киргизской эпопеи.

В. ЖИРМУНСКИЙ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
Инв. 2294 ЦЕНА 60 К.